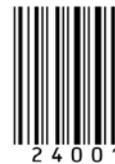

ISSN 2409-3793

9 772409 379001 2 4 0 0 1

ВЕСНІК

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта

імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (63)
2024

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара,
старшыня рэдакцыйнага савета серыі D)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар А. Р. Ефіменка (Магілёў)
д-р экан. навук прафесар Л. У. Пакуш (Горкі)
д-р экан. навук прафесар Г. А. Шмарлоўская (Мінск)
канд. экан. навук дацэнт Т. Ф. Балашова (Магілёў)
канд. экан. навук дацэнт Н. А. Асіпенка (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар Д. Г. Ротман (Мінск)
д-р сацыял. навук М. Ю. Смірноў (Санкт-Пецярбург)
д-р сацыял. навук прафесар Н. М. Беляковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М. Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С. М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В. Б. Шабанаў (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар В. М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А. Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт Л. Ф. Лазуціна (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А. І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук Т. А. Корань (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series D. ECONOMICS, SOCIOLOGY, LAW

Published twice per year

**1 (63)
2024**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Chairman of the Editorial Committee (Series D),
Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Deputy Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

Economics:

Yefimenko A. G., Doctor of Economic Sciences, Professor (Mogilev)
Pakush L. V., Doctor of Economic Sciences, Professor (Gorky)
Shmarlouskaya G. A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Minsk)
Balashova T. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Asipenka N. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Sociology:

Rotman D. G., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Smirnov M. Y., Doctor of Sociological Sciences, Professor (St. Petersburg)
Belyakovich N. N., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Lihachev N. G., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Mogilev)
Lihacheva S. N., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Law:

Shabanov V. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Bibilo V. N., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Tikovenko A. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Lazutsina L. F., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Plisko A. I., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Koran T. A., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

МАКОВСКАЯ Н. В., ЧЕГЕРОВА Т. И. Создание и ликвидация рабочих мест в организациях Беларуси.....	7
АВЕРИНА Т. Н., ГНАТЮК С. Н. Государственно-частное партнерство и его место в инновационном развитии: перспективы России и Беларуси.....	16
НЕЧАЕВА Т. Г., БОРОДИЧ Т. А. Повышение эффективности взаимодействия государства с потенциальным налогоплательщиком в области социальной политики	21
ЕРОФЕЕНКО Д. В. Органическое сельское хозяйство как основа повышения устойчивости сельскохозяйственных систем	33
САКОВИЧ А. Ю. Опыт социологического изучения в регионах Республики Беларусь.....	41
КОРЕНЬ Т. А. Процессуально-правовые особенности завершения ликвидационного производства по делу о банкротстве	47
СЛЕПЦОВ А. В. Недра как объект эколого-правовой охраны	54
ДОВГУН С. И. Субъекты, объект и пределы освидетельствования по уголовно-процессуальному законодательству Республики Беларусь.....	61
КЛЮЧКО Р. Н., ГУЦКО Е. Г. Классификация преступлений против прав и законных интересов несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети интернет.....	67
КУЗЬМЕНКОВА Т. Н. Отдельные теоретико-правовые аспекты кибербезопасности личности	73
ЛАРЧЕНКО А. А. Лишение права управления транспортными средствами в системе наказаний.....	80

C O N T E N T S

MAKOVSKAYA N. V., CHEGEROVA T. I. Creation and Elimination of Jobs in Organizations in Belarus.....	7
AVERINA T. N., HNATSIUK S. N. Public-Private Partnership and Its Place in Innovative Development: Prospects of Russia and Belarus	16
NECHAEVA T. G., BORODICH T. A. Increasing the Effectiveness of Interaction of the State with Potential Taxpayer in the Field of Social Policy	21
YERAFEYENKA D. V. Organic Agriculture as a Basis for Increasing Sustainability of Agricultural Systems.....	33
SAKOVICH A. YU. Experience of Sociological Study in the Regions of the Republic of Belarus	41
KORAN T. A. Procedural and Legal Features of Completing Liquidation Proceedings in a Bankruptcy Case.....	47
SLEPTSOVA A. V. Subsoil as an Object of Environmental and Legal Protection.....	54
DOVGUN S. I. Subjects, Object and Limits of Examination under the Criminal Procedure Legislation of the Republic of Belarus	61
KLYUCHKO R. N., HUTSKO E. G. Classification of Crimes Against the Rights and Legitimate Interests of Minors Committed Using the Internet	67
KUZMENKOVA T. N. Some Theoretical and Juridical Aspects of Personal Cybersecurity	73
LARCHENKO A. A. Deprivation of the Right to Drive Vehicles in the Punishment System.....	80

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 65.015

СОЗДАНИЕ И ЛИКВИДАЦИЯ РАБОЧИХ МЕСТ В ОРГАНИЗАЦИЯХ БЕЛАРУСИ¹

Н. В. Маковская

доктор экономических наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Т. И. Чегерова

кандидат технических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлен методический подход к оценке эффективности создания и ликвидации рабочих мест в условиях белорусской экономики. С использованием эконометрических методов и на основе макроданных доказано, что на эффективность создания и ликвидации рабочих мест в экономике Беларуси влияет увеличение затрат на рабочую силу. Особенно национальной экономики Беларуси является и то, что существует социальный эффект от движения рабочих мест. Такой эффект создает белорусская система заработной платы, которая подчинена скорее социальным принципам, нежели рыночным.

Ключевые слова: рабочее место, заработная плата, эффективность, рынок труда, производительность труда.

Введение

Создание новых высокопроизводительных рабочих мест и ликвидация технологически «устаревших» рабочих мест является необходимым условием для модернизации экономики, роста производительности труда и повышения конкурентоспособности предприятий и т. п. Наличие эффективной системы оценки создания и ликвидации рабочих мест является важным условием для проведения экономической политики по модернизации экономики.

Несмотря на перспективы развития большинства отраслей белорусской экономики, на ситуацию на национальном рынке труда продолжает влиять ряд отрицательных факторов: неблагоприятные демографические процессы, дисбаланс между количеством и составом предлагаемых на рынке труда и востребованных экономикой квалифицированных специалистов, высокая степень износа основных фондов и другие. Очевидно, что эти факторы окажут влияние на процессы создания и ликвидации рабочих мест [1–5]. Перманентная модернизация производств с учетом требований инновационных изменений так или иначе приведет к изменению профессионально-квалификационной структуры и ликвидации старых и созданию новых рабочих мест. Явными положительными последствиями, имеющими место от эффективного создания и ликвидации рабочих мест, являются: а) увеличение производительности труда, б) рост средней заработной платы в национальной экономике, в) увеличение объема инвестиций в отрасли, где создаются рабочие места, г) увеличение числа высококвалифицированных работников, д) планы модернизации производств с учетом вновь созданных рабочих мест.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, грант «Ученый», договор № Г22У-008 от 04.05.2022.

Методика исследования

В статье представлена авторская оценка эффективности создания и ликвидации рабочих мест в Беларуси с использованием макроданных (официальная статистика Национального статистического комитета Республики Беларусь). Данная оценка проводилась с использованием эконометрического инструментария. Методический подход к оценке определялся изучением следующих взаимосвязей, которые могут констатировать и имеют влияние на эффективность процессов создания и ликвидации рабочих мест:

а) между численностью принятых работников и затратами на рабочую силу; между численностью уволенных работников и затратами на рабочую силу;

б) между численностью принятых работников и номинально начисленной среднемесячной заработной платой; между численностью уволенных работников и номинально начисленной среднемесячной заработной платой;

в) между численностью принятых работников и динамикой ВВП; между численностью уволенных работников и динамикой ВВП;

г) между численностью принятых работников и объемом инвестиций в основной капитал; между численностью уволенных работников и объемом инвестиций в основной капитал;

д) между численностью принятых работников и динамикой уровня безработицы; между численностью уволенных работников и динамикой уровня безработицы.

В рамках такого методического подхода к оценке численность принятых и уволенных работников, характеризуют количество рабочих мест, имеющих отношение к созданию (принятые работники) и ликвидации (уволенные работники) рабочих мест. Это позволяет сделать методология С. Дэвиса и Дж. Халтивангера, согласно которой, если работник был привлечен в штат, то у него по определению есть рабочее место, поскольку за ним с момента найма закреплены определенные функции, операции (рассмотрено в гл.7 проекта).

Такой параметр, как затраты на труд (рабочую силу), может быть выражен через показатель фонда заработной платы (ФЗП), так как в нем аккумулированы основные потоки затрат на персонал. Номинально начисленная заработная плата и динамика уровня безработицы определяют спрос на работников и их предложение, которые производны от количества рабочих мест и влияют на эффективность их создания или ликвидации. Динамика ВВП и объем инвестиций в основной капитал в национальной экономике влияют на деловую активность бизнеса, предприятий и организаций, следствием чего является скорость создания и ликвидации рабочих мест.

В целях сопоставимости данных и оценки качества такие показатели, как фонд заработной платы, номинально начисленная среднемесячная заработная плата, уровень ВВП, объем инвестиций в основной капитал, представлены в долларовом выражении по курсу Национального банка РБ на начало рассматриваемого периода (на 1 января). Такие корректировки необходимы и по причине того, что период исследования внушительен – 10 лет.

Результаты оценки

В таблице 1 представлен статистический материал по указанным показателям за период 2000–2021 гг.

Таблица 1 – Статистика показателей, влияющих на создание и ликвидацию рабочих мест

Годы	Численность, принятых на работу, чел	Численность уволенных работников, чел	ФЗП, млн \$	Номинал. начисленная среднемесячная ЗПС	ВВП, тыс \$	ИНВ, тыс \$	Ур. безр.
2000	849899	887609	4597,1	95,0	14731,94	2917916,13	2,1
2001	796467	868896	4191,6	88,0	12284,12	2181171,67	2,3
2002	750878	890007	4897,7	106,6	14725,8	2526513,24	2,9

Окончание таблицы 1

Годы	Численность, принятых на работу, чел	Численность уволенных работников, чел	ФЗП, млн \$	Номин. начисленная среднемесячная ЗПС	ВВП, тыс \$	ИНВ, тыс \$	Ур. безр.
2003	784633	825086	5550,8	122,8	17915,14	3493965,21	3,1
2004	866073	852039	7259,9	160,9	23144,35	4992334,26	1,9
2005	885297	877270	9763,6	215,4	30221,6	7011506,27	1,5
2006	898568	864312	12448,1	271,5	36971,55	9502844,68	1,1
2007	894622	878351	14991,8	323,4	45277,4	12140393,8	1
2008	952836	914405	19479,9	406,4	60763,48	17416812,7	0,8
2009	869370	874069	16811,9	351,7	50910,43	15541966,7	0,9
2010	878406	861302	19624,6	408,8	57241,77	18596651,4	0,7
2011	836612	901138	19604,9	410,9	66460,09	21342188,8	0,6
2012	875840	919758	20668,2	441,0	65700,9	18529384,6	0,5
2013	865560	930853	26475,3	570,3	75570,48	23614040,9	0,5
2014	808847	864125	27144,6	592,5	78883,31	22052832,8	0,5
2015	698684	779978	18743,3	423,3	56675,37	13058023,6	1
2016	865880	954612	15684,5	363,6	47770,68	9413362,85	0,8
2017	943951	953090	18028,2	425,8	54723,66	10884728,8	0,5
2018	972475	980930	20028,3	476,7	60028,46	12270905,4	0,3
2019	957148	967653	22018,8	522,6	64421,92	13770146,8	0,2
2020	884061	956569	21092,5	514,4	61386,22	12149826,2	0,2
2021	903321	980561	23003,5	568,7	69681,3	12229125	0,1

Составлено и рассчитано авторами по: [1-3]

Общая дескриптивная статистика, представленная на рисунках 1-3, указывает на определенные тенденции, которые сложились в белорусской экономике.

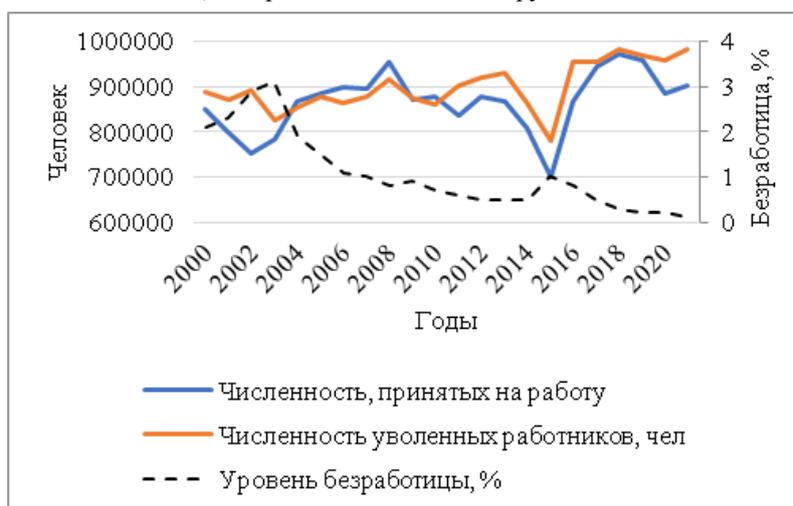

Рисунок 1 – Динамика численности принятых, уволенных и уровень безработицы в экономике РБ

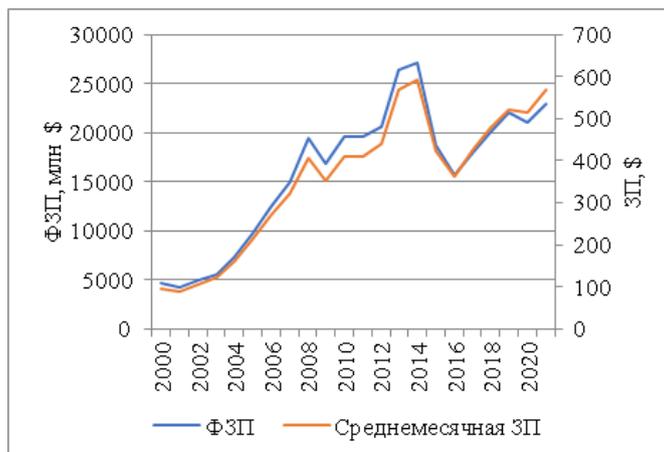

Рисунок 2 – Динамика размера фонда заработной платы и средней номинально начисленной заработной платы в Беларуси

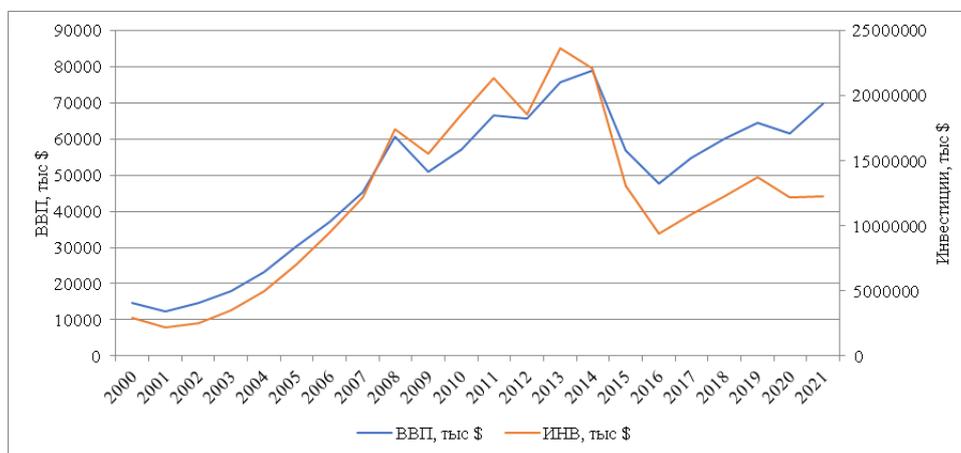

Рисунок 3 – Динамика ВВП и инвестиций в основной капитал в экономике Беларуси

Так, графики демонстрируют следующие тенденции и направления развития, которые влияют на процессы создания и ликвидации рабочих мест:

- имеет место четкая тенденция: кривые численности принятых и уволенных работников на протяжении всего исследуемого периода (10 лет) имеет абсолютно одинаковые тренды зависимости (сокращается численность принятых, сокращается и численность уволенных работников);

- начиная с 2002 года на белорусском рынке труда установилась тенденция постепенного снижения уровня безработицы. Причем, как видно из графиков (рис. 1) кривая уровня безработицы является «независимой» и не дублирует тренды кривых численности занятых и уволенных работников;

- динамика размера ФЗП и среднемесячной номинально начисленной заработной платы представлены абсолютно одинаковыми кривыми как в трендовом выражении, так и в денежном выражении (рис. 2). В период 2008–2014 гг. была выражена разница между размерами ФЗП и начисленной заработной платой. Следует предположить, что такая разница (экономия ФЗП) стала возможной благодаря курсовым различиям (расчеты произведены по курсу доллара Нац. банка на начало года);

- процессы создания и ликвидации рабочих мест зависят от деловой активности организаций и национальной экономики в целом. Деловую активность определяет динамика ВВП и инвестиции в основной капитал, как важное условие финансового «оживления» экономических процессов. На графиках (рис.3) видны одинаковые направления этих показателей. Однако объемы этих показателей не совпадают. Лишь в 2008 г. и 2014 г. эти показатели совпали.

Таким образом, можно констатировать, что в национальной экономике Беларуси сложились положительные тенденции в активной динамике факторов, влияющих на процессы создания и ликвидации рабочих мест. Это же подтверждено и уровнем деловой активности (период 2000–2021 гг.) в национальной экономике Беларуси.

Собранный пул показателей (2000–2021 гг.), определяющих влияние на процессы создания и ликвидации рабочих мест, позволяет определить направления этого влияния и степень зависимости от них, что в совокупности позволит определить эффективность этих процессов. Был использован эконометрический инструментарий (в виде корреляционных зависимостей), позволивших определить тесноту взаимосвязей между показателями. В результате получены оценки взаимосвязей и сделаны следующие выводы.

1. Оценка взаимосвязи между численностью принятых работников и затратами на рабочую силу, выраженных через фонд заработной платы (ФЗП) (рис. 4).

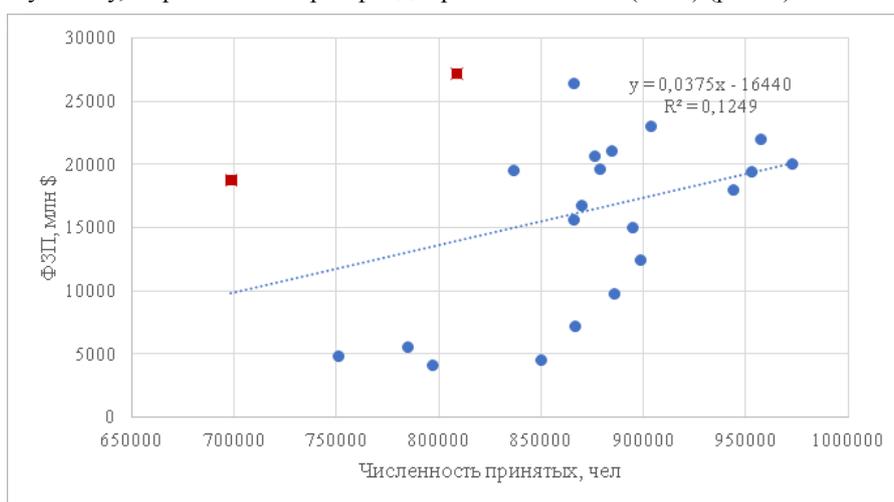

Рисунок 4 – Взаимосвязь между численностью принятых на работу работников и затратами на рабочую силу (ФЗП)

Взаимосвязь между показателями численности принятых работников и затратами на рабочую силу (ФЗП) положительная, но статистически незначимая ($R^2 = 0.12$, $F = 2.23$, $p > 0.05$). Из рисунка (рис.4) видно, что две точки выбиваются из общей тенденции (красные). Это точки соответствуют данным 2014 и 2015 годов. Это период, когда исследуемые показатели резко сократились и их значения были «нестандартны» в десятилетнем периоде в общем массиве данных. Однако, если эти точки исключить, как выбросы («нестандартные» значения), взаимосвязь становится более тесной и статистически значимой ($R^2 = 0.40$, $F = 13.43$, $p < 0.05$). Это значит, что при увеличении затрат на рабочую силу, численность принятых работников будет возрастать. Объективность этого процесса подтверждается и действием закона спроса и предложения труда (чем выше заработная плата, тем больше предложение труда), с одной стороны. С другой, если у работодателя есть ресурс (ФЗП) на содержание работников у него

остаётся возможность использования трудоемких технологий и сохранения социальной составляющей в кадровом управлении.

2. Оценка взаимосвязи между численностью уволенных работников и затратами на рабочую силу, выраженных через фонд заработной платы (ФЗП) (рис. 5).

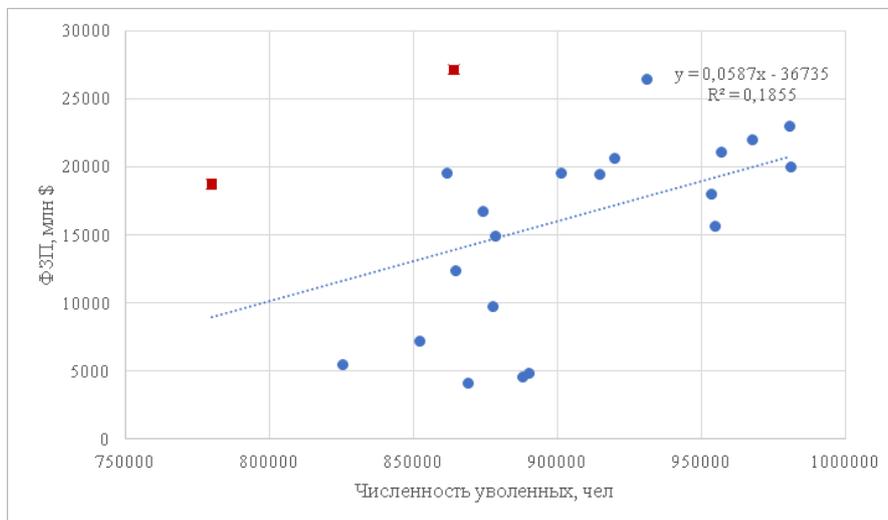

Рисунок 5 – Взаимосвязь между численностью уволенных работников и затратами на рабочую силу (ФЗП)

Взаимосвязь между численностью уволенных работников и затратами на рабочую силу повторяет предыдущий результат (между принятыми работниками и ФЗП). Данная взаимосвязь между показателями положительная, статистически значимая ($R^2 = 0.18$, $F = 4.39$, $p < 0.05$). Так же две точки (красные) выбиваются из общей тенденции (2014 и 2015 года). Без включения этих точек взаимосвязь становится более тесной ($R^2 = 0.46$, $F = 15.3$, $p < 0.05$). Однако этот результат, на первый взгляд, может показаться парадоксальным, так как при увеличении численности уволенных работников затраты на них должны сокращаться. Полученный результат свидетельствует об особенностях национальной системы зарплатообразования, которая подчинена скорее социальным принципам, нежели рыночным. Следует предположить, что при сокращении численности работников расходы (ФЗП) на персонал сохраняются при одновременном росте заработной платы. Данная гипотеза требует дополнительных исследований.

3. Оценка взаимосвязи между численностью принятых, уволенных работников и средней номинально начисленной заработной платой естественным образом повторяет результаты предыдущих оценок с ФЗП. Это логично по причине того, что более 80% в структуре ФЗП составляет номинально начисленная заработная плата. Оценки имеют следующие выражения:

- между численностью принятых работников и средней номинально начисленной заработной платой взаимосвязь между показателями положительная ($R^2 = 0.44$, $F = 14.14$, $p < 0.05$);

- между численностью уволенных работников и средней номинально начисленной заработной платой взаимосвязь между показателями положительная, статистически значимая ($R^2 = 0.249$, $F = 6.63$, $p > 0.05$).

4. Оценка взаимосвязей между численностью принятых, уволенных работников и динамикой ВВП представлена на рисунке 6.

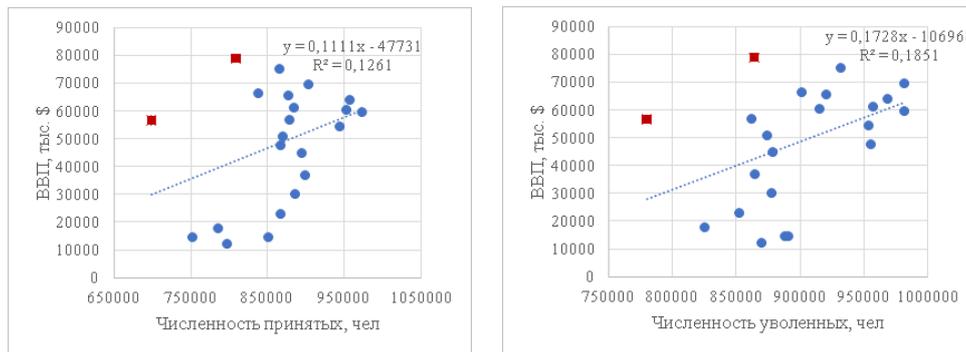

Рисунок 6 – Взаимосвязь между численностью принятых, уволенных работников и динамикой ВВП

Взаимосвязь между численностью принятых ($R^2 = 0.489$, $F = 17.2$, $p < 0.05$) работников, уволенных работников ($R^2 = 0.45$, $F = 14.72$, $p < 0.05$) и динамикой ВВП положительная, статистически значимая. Это значит, что при положительном росте ВВП либо растет, либо сохраняется общая занятость населения страны через дополнительный найм (или «перелив») уволенных работников с одной ВЭД в другую) работников и в целом при росте деловой активности.

5. Оценка взаимосвязей между численностью принятых, уволенных работников и объемами инвестиций в основной капитал представлена на рисунке 7.

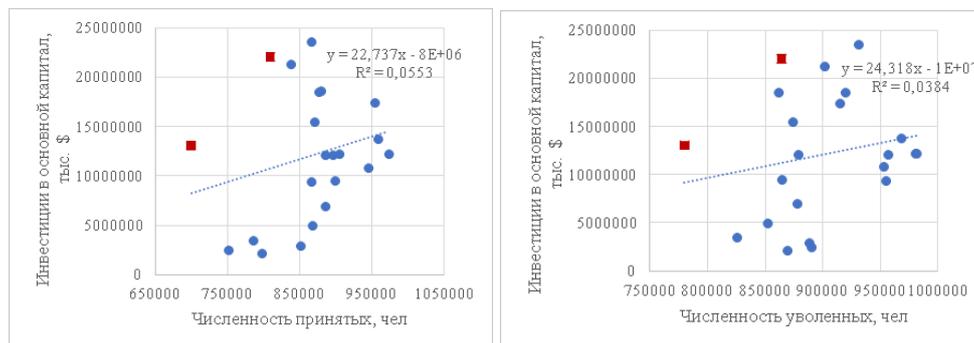

Рисунок 7 – Взаимосвязь между численностью принятых, уволенных работников и объемами инвестиций в основной капитал

Результаты данной оценки выявили следующую специфику, которая состоит в том, что ни в одном из случаев (показатели принятых ($R^2 = 0.053$, $F = 1.25$, $p > 0.05$) и уволенных работников ($R^2 = 0.038$, $F = 0.79$, $p > 0.05$)) не подтверждает статистически значимую связь. Это значит, что в национальной экономике Беларуси объемы инвестиций в основной капитал не оказывают влияния на создание или ликвидацию рабочих мест, и в целом на функционирование рынка труда. В этой связи целесообразно оценить влияние динамики безработицы на движение рабочих мест.

6. Оценка взаимосвязей между численностью принятых, уволенных работников и динамикой уровня безработицы в Беларуси представлена на рисунке 8.

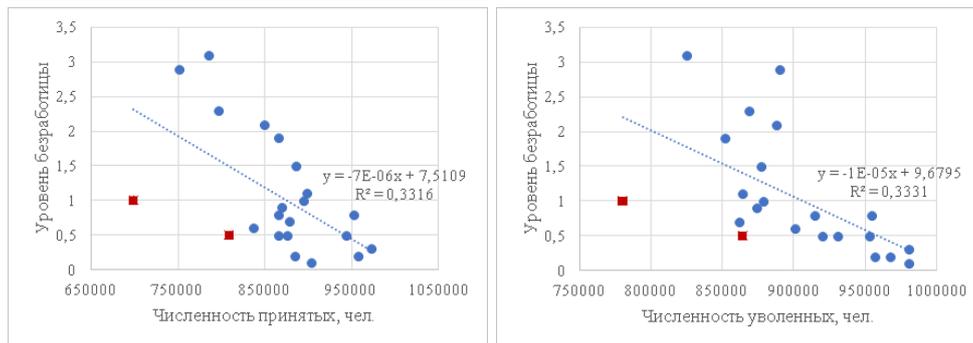

Рисунок 8 – Взаимосвязь между численностью принятых, уволенных работников и динамикой уровня безработицы в Беларуси

Результаты данной оценки указывают на наличие отрицательной, статистически значимой ($R^2 = 0.33$, $F = 9.85$, $p < 0.05$) взаимосвязи между численностью принятых работников и уровнем динамики безработицы в Беларуси. Это значит, что при сокращении численности принятых работников они выходят на рынок труда в качестве безработных, в следствие чего растет уровень безработицы в стране.

Точно такие же результаты констатированы при оценке взаимосвязи между численностью уволенных работников и уровнем динамики безработицы в Беларуси. Взаимосвязь между показателями отрицательная, статистически значимая ($R^2 = 0.33$, $F = 9.85$, $p < 0.05$). При увеличении численности уволенных работников, они «пополняют» ряды безработных, что способствует росту безработицы в стране.

В обеих оценках взаимосвязи точки, соответствующие данным 2014 г. и 2015 г., незначительно выделяются из общей тенденции кризисных годов. Их исключение не влияет на форму и силу взаимосвязи. Другими словами, выявленные взаимосвязи статистически корректны.

Выводы

Таким образом, оценивая эффективность движения рабочих мест через процессы их создания и ликвидации, можно сформулировать следующие выводы:

1. На эффективность создания и ликвидации рабочих мест в экономике Беларуси влияет увеличение затрат на рабочую силу. Объективность этого подтверждается и действием закона спроса и предложения труда (чем выше заработная плата, тем больше предложение труда), с одной стороны. С другой, если у работодателя есть ресурс (ФЗП) на содержание работников у него остается возможность использования трудоемких технологий и сохранение социальной составляющей в кадровом управлении.

Особенностью национальной экономики Беларуси является и то, что существует социальный эффект от движения рабочих мест. Такой эффект создает белорусская система зарплатообразования, которая подчинена скорее социальным принципам, нежели рыночным. Следует предположить, что при сокращении численности работников расходы (ФЗП) на персонал сохраняются при одновременном росте заработной платы. Данная гипотеза требует дополнительных исследований.

2. Эффективность процессов создания и ликвидации рабочих мест следует видеть и в том, что при положительном росте ВВП либо растет, либо сохраняется общая занятость населения страны через дополнительный найм (или «перелив» уволенных работников с одной ВЭД в другую) работников.

3. В национальной экономике существует рыночный эффект функционирования спроса и предложения труда в движении рабочих мест, определяющий функциониро-

вание рынка труда: при сокращении численности принятых работников они выходят на рынок труда в качестве безработных, в следствие чего растет уровень безработицы в стране. При увеличении численности уволенных работников они «пополняют» ряды безработных, что способствует росту безработицы в стране.

Выявленные эффекты определяют набор перспектив дальнейшего развития исследований и практического использования полученных результатов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Труд и занятость в Республике Беларусь, 2020. Статистический сборник. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/upload/iblock>. – Дата доступа: 06.07.2023.
2. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2021. Статистический сборник. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/upload/iblock>. – Дата доступа: 06.07.2023.
3. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2022. Статистический сборник. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/upload/iblock>. – Дата доступа: 06.07.2023.
4. **Маковская, Н. В.** Методические подходы к оценке мониторинга трудовых процессов в организации / Н. В. Маковская, Т. И. Чегерова // Вестник Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова. – 2023. – № 1 (61). – С. 15–21.
5. **Маковская, Н. В.** Движение рабочих мест в национальной экономике Беларуси / Н. В. Маковская // Белорус. экон. журн. – 2023. – № 3. – С. 72–83.

Поступила в редакцию 23.10.2023 г.

Контакты: makovskaya@msu.by (Маковская Наталья Владимировна),
chegerova@msu.by (Чегерова Татьяна Ивановна)

Makovskaya N. V., Chegerova T. I. CREATION AND ELIMINATION OF JOBS IN ORGANIZATIONS IN BELARUS

The article presents a methodological approach to assessing the effectiveness of creating and eliminating jobs in the conditions of the Belarusian economy. Using econometric methods and macro data, it has been proved that the efficiency of job creation and liquidation in the Belarusian economy is affected by an increase in labor costs. The peculiarity of the national economy of Belarus is that the movement of jobs has a social effect. This effect is created by the Belarusian salary system, which is subordinated to social principles rather than market ones.

Keywords: workplace, salary, efficiency, labor market, labor productivity.

УДК 338.2

ГОСУДАРСТВЕННО–ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ЕГО МЕСТО В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Т. Н. Аверина

кандидат экономических наук, доцент
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Тульский государственный
педагогический университет имени Л. Н. Толстого»

С. Н. Гнатюк

кандидат экономических наук, доцент
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье отражено, что глобализация и цифровизация экономики привели к существенным изменениям в формах организации производства. Активно используется государственно-частное партнерство как механизм преодоления недостатков бюрократического управления экономикой и провалов рынка в рамках инновационной модели развития. Проанализирован опыт развития ГЧП в развитых странах, условия развития ГЧП в России и Беларуси и предложен механизм развития государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инновационное развитие, тройная спираль, устойчивое развитие.

Введение

Развитие экономики под воздействием цифровизации и глобализации, перехода на инновационную модель развития привело к существенным изменениям в организации производства, формам взаимодействия государства и бизнеса. Быстрое развитие получило взаимодействие государства и бизнеса в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП).

Введение санкций на поставки высокотехнологичной продукции и уход из России и Беларуси западных фирм в сфере высоких технологий на фоне долгосрочного технологического отставания от ведущих стран в цифровом развитии в условиях геополитической нестабильности увеличивает риск углубления технологического разрыва и неравенства.

В этих условиях ГЧП является одной из основных платформ, на которой может решаться проблема концентрации и эффективного использования ресурсов на прорывных направлениях инновационного развития. Опыт США, европейских стран, Китая показывает, что:

- совместное финансирование и реализация проектов приводит к созданию и развитию инфраструктуры, производству общественных благ, росту качества жизни населения;
- перераспределяются риски и ответственность между государством и частным сектором с учетом их специфики и компетенций;

- обеспечивается сотрудничество на долгосрочной основе, основанное на договорных отношениях и контроле со стороны государства за выполнением взятых обязательств;
- стимулируются инновации и обеспечивается эффективное использование ограниченных ресурсов.

Основная часть

ГЧП получило свое развитие практически во всех развитых странах в реализации инновационных проектов. Использование ГЧП как механизма достижения целей устойчивого развития было рекомендовано Европейской экономической комиссией ООН и поддержано другими региональными комиссиями Экономического и Социального Совета ООН, другими международными организациями [1; 2]. Под государственно-частным партнерством, на наш взгляд, следует понимать долгосрочное сотрудничество органов государственного управления разных уровней и частного бизнеса для совместной разработки продукта или услуги на условиях разделения рисков, компетенций и ответственности, определяемых контрактом, с целью увеличения выгод от использования сильных сторон каждого партнера.

США и Китай доминируют в глобальной экономике во многом благодаря эффективному использованию различных форм ГЧП. Китай создает собственную экосистему в сфере передовых технологий, опираясь на которую, формирует и реализует геополитические цели. Так в 2017 г. он для создания национальной экосистемы искусственного интеллекта начал реализовывать «План развития искусственного интеллекта нового поколения», который предполагает сотрудничество в рамках «тройной спирали» государства, частного бизнеса и университетов [3; 4].

США являются лидером в области цифровых и других продвинутых технологий. Это обеспечивается на платформе диалога, в основе которого лежат рассчитанные на долгосрочный период механизмы ГЧП. При этом следует подчеркнуть, что опыты использования ГЧП в США начались еще в 80-е годы прошлого века. В 2019 г. принята Американская инициатива в области искусственного интеллекта, направленная на укрепление геополитических позиций США в области искусственного интеллекта [5]. Она предполагает инвестиции правительства и частного сектора в НИР, человеческий капитал и инфраструктуру, развитие долгосрочных отношений между государством, частным сектором и университетами в рамках тройной спирали на взаимовыгодных условиях.

Опыт развитых стран показывает, что для ГЧП в сфере инновационной деятельности характерно:

- финансирование новых «пионерских» технологий, которые связаны с высокими рисками;
- длительные сроки реализации проектов;
- широкий круг участников, которые имеют разные интересы;
- большие объемы необходимых финансовых ресурсов;
- усиление функций государства в формировании проектов, определении целевых показателей, мониторинга и оценки их результатов.

Как показывает практика, использование ГЧП позволяет государству:

- преодолевать бюджетные ограничения на базе привлечения ресурсов бизнеса (человеческого капитала и финансовых средств) в капиталоемкие инновационные проекты, разделять с бизнесом затраты и риски реализации этих проектов;
- преодолевать провалы рынка в финансировании НИР и сокращать разрыв между получением результата и внедрением его в производство;
- реализовывать более гибкую инновационную политику, ориентированную на учет изменений внешней среды, социально-экономических вызовов и рисков.

В России правовая база создания ГЧП представлена Федеральным законом от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В соответствии с законом ГЧП оформляется на определенный срок и основано на объединении ресурсов, распределении рисков публичного партнера (государства или муниципальных органов власти) и частного партнера в целях привлечения в экономику частных инвестиций, обеспечения государственными органами доступности товаров, работ, услуг и повышения их качества.

Несмотря на создание необходимой правовой базы, ГЧП не получило широкого распространения в экономике России. Проекты ГЧП реализуются в основном под давлением государства, без должной инициативы и заинтересованности частного сектора, что во многом обусловлено отсутствием четкого и эффективного механизма взаимодействия между государством и частным бизнесом.

В Беларуси в 2014 г. был создан Центр государственно-частного партнерства, а 30 декабря 2015 г. принят закон «О государственно-частном партнерстве». Главной целью создания ГЧП является концентрация материальных, финансовых, интеллектуальных, научно-технических и иных ресурсов, обеспечение баланса интересов и рисков, привлечение средств из внебюджетных источников для реализации проектов, планов и программ по развитию объектов инфраструктуры [6]. В белорусской практике государственно-частное партнерство рассматривается как модель долгосрочного (10–30 лет) сотрудничества государства и бизнеса, позволяющая реализовывать общественно значимые проекты в различных сферах экономической деятельности с помощью инноваций, капитала и ресурсов частного бизнеса. Необходимость использования данного механизма обусловлена прежде всего изношенностью объектов инфраструктуры. Поэтому требуется разработка и реализация проектов по их обновлению. Но значительные объемы инвестиций для реализации таких объектов не позволяют реализовать их только за счет средств бюджета. При этом следует учитывать, что государство по многим проектам не может передать частному сектору свою ответственность по обеспечению социальных стандартов, а частный бизнес не готов нести риск без государственной поддержки. ГЧП в Беларуси может осуществляться в разных сферах. Однако в стране не реализован ни один проект в рамках ГЧП [7].

Следует обратить внимание на то, что

– экономическое развитие России и Беларуси не в полной мере базируется на инновационной модели. Платформой развития по-прежнему является продукция с невысокой степенью добавленной стоимости;

– в России практика применения ГЧП имеет более широкую сферу применения, так как рассматривается как сотрудничество государства и частного бизнеса в реализации социально значимых проектов и реализуется такое сотрудничество в различных формах, а в Беларуси ГЧП трактуется как сотрудничество государства и частных партнеров в реализации социально значимых проектов на инфраструктурных объектах и объектах социальной сферы;

– в обеих странах государство предлагает бизнесу принять участие в реализации общественно значимых проектов, а не подключается к проектам частного бизнеса;

– в обеих странах государство является доминирующим партнером, а для эффективного развития ГЧП, как показывает опыт США, Китая и стран Западной Европы, отношения между партнерами должны быть равноправными;

– в обеих странах правовые аспекты создания ГЧП и разделения рисков недостаточно качественно проработаны;

– объемы финансирования экономики в рамках ГЧП в обеих странах существенно отстают от развитых стран;

– в обеих странах недостаточное количество высококвалифицированных кадров, способных профессионально работать в формате ГЧП.

Таким образом для эффективной организации и реализации стратегических инновационных проектов в рамках ГЧП необходимо:

– постановка четко определенных и проверяемых целей и задач конкретного проекта увязанных со стратегическими целями и задачами инновационных программ страны или региона;

– определение показателей создания и внедрения инноваций в производство, выполнение которых можно проконтролировать;

– учет интересов и соблюдение прав всех участников ГЧП при заключении договора о партнерстве;

– эффективная система коммуникаций между партнерами, основанная на достоверности и полноте предоставляемой информации;

– четкая координация действий партнеров по разработке и реализации инновационных программ, наличие проработанных процедур принятия управленческих решений;

– использование конкурсного отбора исполнителей инновационных проектов;

– определение форм и размера вклада каждого партнера в создание ресурсов, необходимых для реализации программ;

– справедливое распределение рисков и обязательств между партнерами.

Государство должно:

– формировать структуру программы,

– определять механизм управления и координировать действия участников ГЧП,

– определять целевые показатели, мониторинг и оценку эффективности реализации программы,

– учитывать и согласовывать интересы участников партнерства,

– стимулировать бизнес, прежде всего малый и средний, к участию в ГЧП.

Функции и обязательства частных партнеров должны определяться в зависимости от формы участия в реализации инновационных программ с учетом их вклада финансовых и иных ресурсов.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что для обеспечения инновационного развития России и Беларуси в условиях глобализации и экономических санкций необходимо активно использовать механизмы реализации ГЧП.

ГЧП является платформой инновационного развития экономики и позволит получать синергетический эффект от сотрудничества, так как обеспечивается положительный результат по всем стадиям инновационного процесса: образование, НИР, инвестиционная деятельность, трансфер инноваций за счет обмена знаниями, совместного использования человеческого капитала, софинансирования научных исследований и внедрения инноваций.

Использование механизма ГЧП позволит бизнесу получить дополнительные источники финансирования и активизировать инновационную деятельность. Эффект для государства состоит в обеспечении устойчивого социально-экономического развития и роста конкурентоспособности страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Strategic Public/Private Partnerships. OECD Science, Technology and Innovation Outlook 2016. OECD, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://read.oecd-ilibrary.org/science-and-technology/oecd-science-technology-and-innovationoutlook-2016_sti_in_outlook-2016-en#page1. – Дата доступа: 03.12.2023.

2. Council Regulation: Establishment of Nine Joint Undertakings (Institutionalised European Partnerships). KOWI, 26.11.2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kowi.de/en/kowi/news/>

council-regulation-establishment-of-nine-jointundertakings-institutionalised-european-partnerships.aspx. – Дата доступа 29.10.2023.

3. **Матвеев, К.** Искусственный интеллект с китайской спецификой: станет ли Китай мировым лидером в сфере ИИ к 2030 году? / К. Матвеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iskusstvennyu-intellekt-s-kitayskoj-spetsifikoy-stanet-li-kitay-mirovym/>. – Дата доступа: 11.11.2023.

4. **Ковачич, Л.** Китайский опыт развития отрасли искусственного интеллекта: стратегический подход / Л. Ковачич [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://carnegiemoscow.org/2020/07/07/ru-pub-82172>. – Дата доступа: 11.11.2023.

5. Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. Executive Order 13859, February 11, 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2019/02/14/2019-02544/maintaining-american-leadership-in-artificial-intelligence>. – Дата доступа: 02.12.2023.

6. Закон Республики Беларусь 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://italy.mfa.gov.by/docs/law_gchp.pdf. – Дата доступа: 12.10.2023.

7. **Дорина, Е. Б.** Стратегия развития государственно-частного партнерства как механизма формирования логистической инфраструктуры / Е. Б. Дорина, О. М. Мещерякова // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты [Электронный ресурс] : электронный сборник статей IV Международной научно-практической online-конференции, Новополоцк, 26 ноября 2020 г. / Полоцкий государственный университет. – Новополоцк, 2020. – Режим доступа: <https://elib.psu.by/>. – Дата доступа: 24.11.2023.

Поступила в редакцию 4.12.2023 г.

Контакты: averinatn@tsput.ru (Аверина Татьяна Николаевна),
gnatyuk@msu.by (Гнатюк Сергей Николаевич)

Averina T. N., Hnatsiuk S. N. PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP AND ITS PLACE IN INNOVATIVE DEVELOPMENT: PROSPECTS OF RUSSIA AND BELARUS

The article reflects that globalization and digitalization of the economy have led to significant changes in the forms of production organization. Public-private partnership (PPP) is actively used as a mechanism for overcoming the shortcomings of bureaucratic management of the economy and market failures within the framework of an innovative development model. The experience of PPP development in developed countries, the conditions for the development of PPP in Russia and Belarus are analyzed, and a mechanism for the development of public-private partnership is proposed.

Keywords: public-private partnership, innovative development, triple helix, sustainability.

УДК 304.44

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВА С ПОТЕНЦИАЛЬНЫМ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОМ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Т. Г. Нечаева

кандидат экономических наук, доцент
Белорусско-Российский университет

Т. А. Бородич

старший преподаватель
Белорусско-Российский университет

В статье рассмотрены состав, динамика и структура расходов бюджета Республики Беларусь на образование и здравоохранение. Проведена оценка тенденций в развитии экономики республики на уровне домохозяйств. Даны рекомендации по совершенствованию социальной политики государства с позиции взаимодействия с потенциальным налогоплательщиком (домохозяйством).

Ключевые слова: налоги, отчисления, здравоохранение, образование, социальная политика, бюджет, налогоплательщик, цифровизация экономики, автоматизированная система единой поддержки государственных учреждений и организаций, единая автоматизированная система аналитической информации по физическим лицам.

Введение

В сложившихся условиях нарастания рисков как в политической, так и других сферах на мировой арене большое значение имеет уровень нагрузки, который ложится на социально-экономическую систему государства. Современные тенденции развития мирохозяйственных связей с одной стороны позволяют актуализировать развитие экономики, а с другой стороны увеличивают давление на каждого хозяйствующего субъекта, увеличивая его меру ответственности за конечный результат состояния общества. Не последнее значение с этих позиций имеет и стратегическое партнерство «общество – государство – конечный потребитель благ», поэтому в определенном релевантном диапазоне развития актуальной является оценка экономических последствий изменения отдельных структурных составляющих экономической системы.

Основная часть

Масштабность кризисных явлений в мировой экономике и политике, усиление влияния на них социальных факторов и предпочтений привело к росту расходов государства для поддержания равновесия в социальной и экономической сферах, что неоднозначно сказывается на внутренней политике и приводит к трансформации целей и интересов общества. Как показывает практика, в условиях цифровизации экономики необходимо активизировать позиции домохозяйств в социальной сфере, определив их роль и степень участия в формировании расходов, которые на прямую касаются каждого гражданина (например, здравоохранение, образование, социальное и пенсионное обеспечение).

Проанализировав структуру расходов консолидированного бюджета РБ за 9 месяцев 2020–2021 годов (таблица 1), можно отметить, что на долю образования приходит-

© Нечаева Т. Г., Бородич Т. А., 2024

ся 16,7 % в 2020 году и 16,5 % – в 2021 году [1]. За 9 месяцев 2021 года общая сумма расходов выросла на 11,75 %, в то время как расходы на здравоохранение выросли на 31,78 %, образование – 10,92 %. Рост расходов на здравоохранение обусловлен пандемией, что повлекло за собой увеличение доли расходов в общей сумме расходов консолидированного бюджета на 2,9 процентных пункта.

Таблица 1 – Анализ состава и структуры расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь

Направление расходов	Сумма расходов, млн руб.		Темп изменения, %	Структура, %	
	9 месяцев 2020 г.	9 месяцев 2021 г.		9 месяцев 2020 г.	9 месяцев 2021 г.
Всего	29 717,3	33 209	111,75	100	100
здравоохранение	4 728,5	6 231,4	131,78	15,9	18,8
образование	4 953	5 493,8	110,92	16,7	16,5

Если же рассматривать структуру расходов на здравоохранение и образование в разрезе уровней бюджетов (рисунки 1,2) [1], то следует отметить, что большая часть расходов формируется из местного бюджета (более 79 % в здравоохранении и более 84 % в образовании).

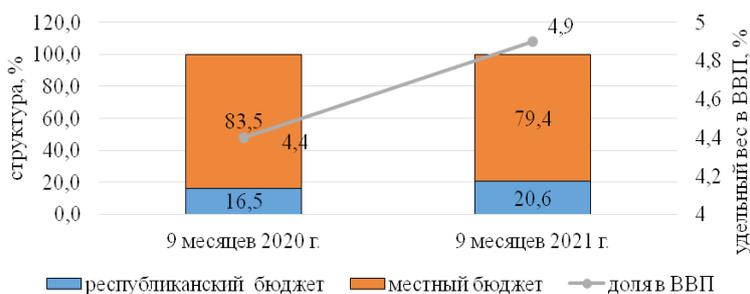

Рисунок 1. Структура расходов на здравоохранение в разрезе уровней бюджетов

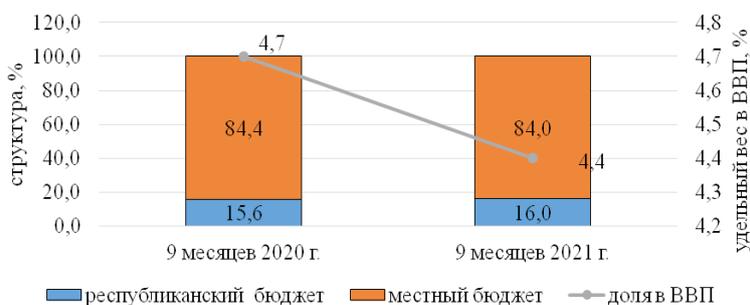

Рисунок 2. Структура расходов на образование в разрезе уровней бюджетов

Следует также отметить рост удельного веса расходов на здравоохранение в ВВП за 9 месяцев 2021 года на 0,5 процентных пункта и снижение такого же показателя по расходам на образование на 0,3 процентных пункта.

На рисунке 3 представлена динамика структуры фактических бюджетных расходов на здравоохранение в 2019–2022 годах [2–5].

В структуре расходов на здравоохранение на долю медицинской помощи населению приходится от 35,67 % в 2021 году до 52,91 % в 2019 году. Как следует из рисунка 3,

с 2019 по 2021 год доля затрат на медицинскую помощь населению сокращалась, а в 2022 году снова выросла до 42,74 %.

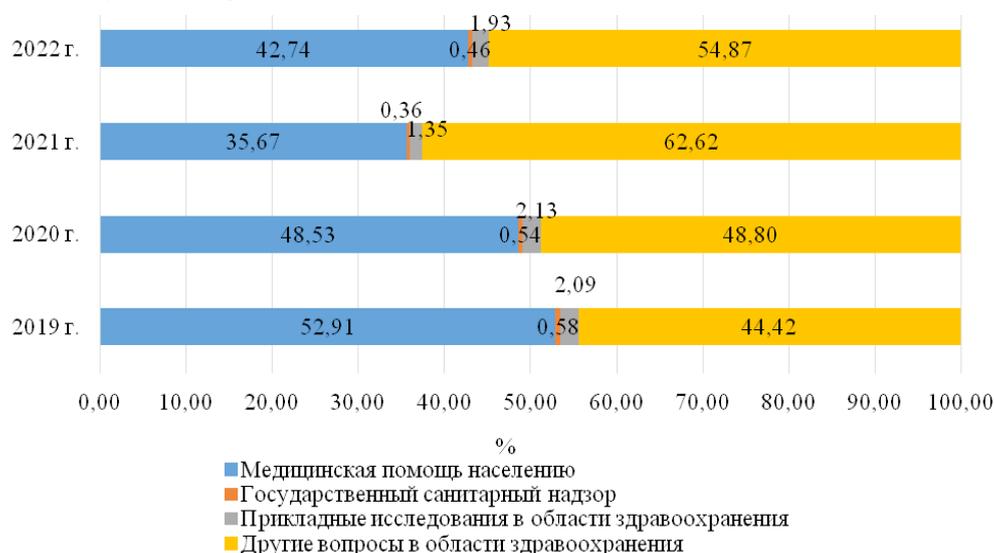

Рисунок 3. Динамика структуры бюджетных расходов на здравоохранение в 2019–2022 гг.

Динамика расходов на здравоохранение указывает на их рост в 2020–2021 годах и снижение в 2022 году (рисунок 4) [2–5].

Рисунок 4. Динамика расходов на здравоохранение в 2020–2022 гг.

В 2022 году наблюдается сокращение расходов на здравоохранение на 13,51 % (рисунок 4), основной причиной которого послужило снижение расходов на другие вопросы в области здравоохранения (на 24,21 %).

В таблице 2 представлена оценка исполнения бюджета расходов на здравоохранение в 2019–2022 годах [2–5].

Таблица 2 – Анализ исполнения бюджета расходов на здравоохранение в 2019–2022 годах, в процентах

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Здравоохранение	97,37	96,81	117,52	90,35
Медицинская помощь населению	105,01	103,75	107,84	95,41
Государственный санитарный надзор	97,42	99,13	97,07	98,30
Прикладные исследования в области здравоохранения	121,58	145,96	139,56	129,05
Другие вопросы в области здравоохранения	88,83	89,52	128,21	85,83

В целом, за исключением 2021 года, на протяжении анализируемого периода наблюдается экономия расходов на здравоохранение по сравнению с плановой величиной.

Перерасход бюджетных средств относительно плановых величин на протяжении анализируемого периода наблюдается по прикладным исследованиям в области здравоохранения, причем начиная с 2021 года наблюдается сокращение данного показателя.

Расходы на медицинскую помощь населению с 2019 года по 2021 год также превышали запланированную величину, но в меньшем масштабе. В 2022 году исполнение расходов по данному направлению составило 90,35 %.

Как можно видеть из рисунка 5 [2–5], доля расходов на здравоохранение в общей сумме расходов бюджета страны выросла резко в 2021 году, причем фактическая величина была выше плановой на 0,678 процентных пункта (6,777 % против 6,1 %). В 2022 году, несмотря на предусмотренный планом рост данного показателя до 6,119 %, фактический удельный вес расходов на здравоохранение несколько снизился (на 1,58 процентных пункта) и составил 5,198 %, что выше уровня 2019–2020 годов.

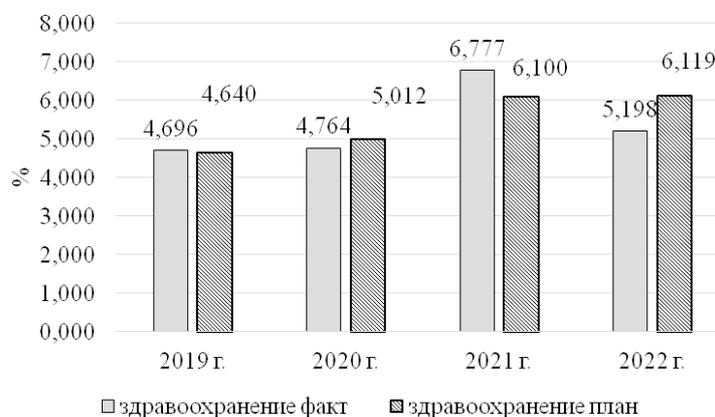

Рисунок 5. Динамика доли расходов на здравоохранение в общей сумме бюджетных расходов

На рисунке 6 представлена структура расходов на образование в 2019–2022 годах [2–5]. Как можно видеть из рисунка, более 70 % бюджетных расходов приходится на высшее и послевузовское образование. Также следует отметить достаточно устойчивую структуру расходов на образование на протяжении анализируемого периода.

Рисунок 6. Динамика структуры бюджетных расходов на образование в 2019–2022 годах

Динамика структуры расходов на образование (рисунок 7 [2–5]) показывает их снижение в 2022 году относительно 2021 года по следующим направлениям: дошкольное образование (на 15,79 %), профессионально-техническое образование (на 13,18 %), дополнительное образование детей и молодежи (на 26,29 %), другие вопросы в области образования (на 42,46 %).

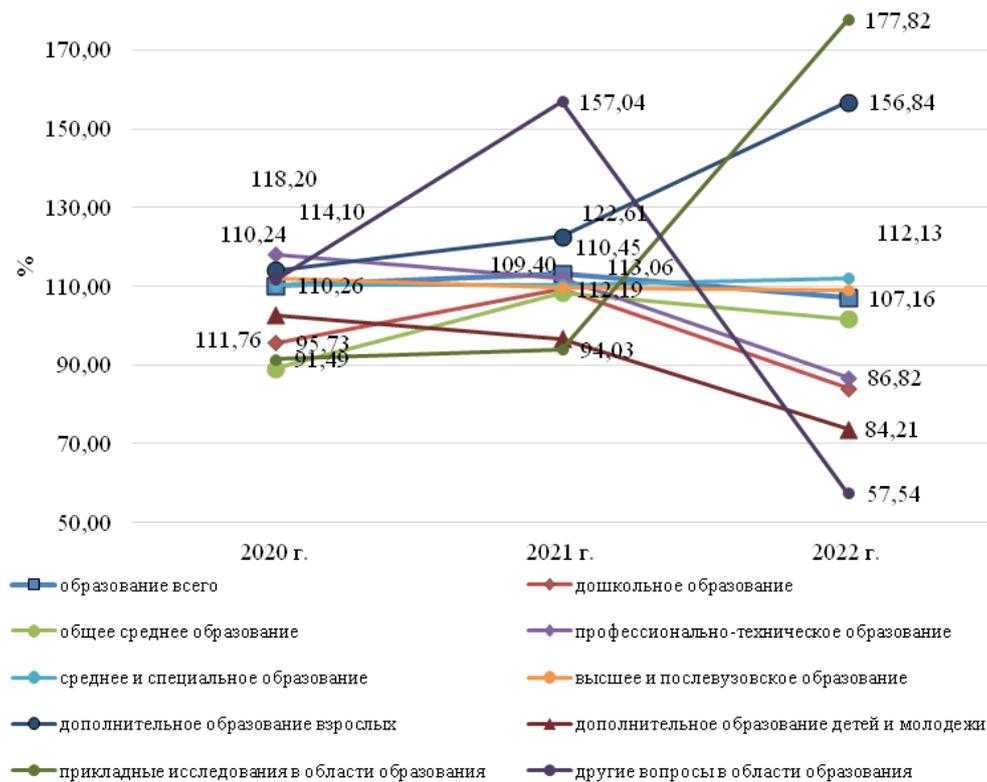

Рисунок 7. Динамика расходов на образование в 2020–2022 годах

В целом расходы на образование в 2020 году выросли на 10,26 %, в 2021 году – на 13,06 %, в 2022 году – на 7,16 % относительно предыдущего года.

В таблице 3 представлена оценка исполнения бюджета расходов на образование в 2019–2022 годах [2–5].

Таблица 3 – Анализ исполнения бюджета расходов на образование в 2019–2022 годах, в процентах

Направление расходов	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
образование всего	96,04	94,14	97,17	91,90
дошкольное образование	90,37	86,65	96,29	75,68
общее среднее образование	85,68	91,90	91,74	86,68
профессионально-техническое образование	94,03	89,32	88,73	86,18
среднее и специальное образование	94,76	92,61	96,85	95,12
высшее и послевузовское образование	96,89	96,76	99,39	97,45
дополнительное образование взрослых	100,01	99,16	100,70	138,24
дополнительное образование детей и молодежи	95,07	90,20	97,48	95,51
прикладные исследования в области образования	129,80	107,37	154,88	126,89
другие вопросы в области образования	94,48	70,91	83,57	36,19

Как следует из таблицы 3, на протяжении анализируемого периода наблюдается экономия расходов на образование. Перерасход средств по сравнению с плановой величиной характерен для дополнительного образования взрослых и прикладных исследований в области образования.

Доля расходов на образование в общей сумме расходов бюджета страны (рисунок 8) на протяжении анализируемого периода снижается, причем фактическая величина была значительно ниже плановой. В 2022 году несмотря на предусмотренный планом рост данного показателя до 4,769 %, фактический удельный вес расходов на образование снизился (на 0,216 процентных пункта) и составил 4,12 %, что ниже уровня 2019–2021 годов.

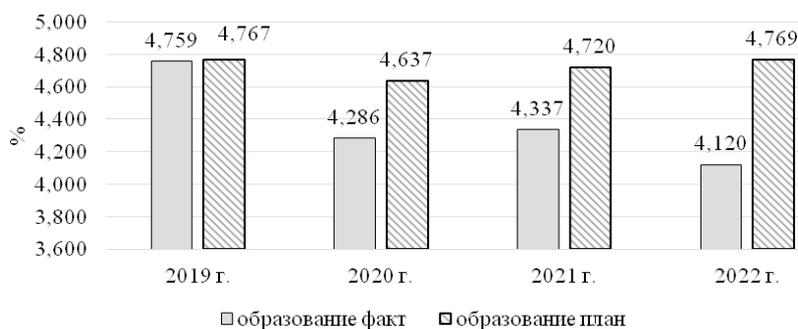

Рисунок 8. Динамика доли расходов на образование в общей сумме бюджетных расходов

Таким образом, проведенная оценка расходов на образование и на здравоохранение показывает неоднозначную динамику изменения этих расходов, снижение их суммы как в абсолютных, так и относительных величинах по структуре бюджетных расходов и неисполнение плановой величины. Кроме того, эти расходы являются значительной статьей затрат государства в интересах общества и граждан, и составляли

соответственно по периодам от общей суммы 30–35 %, причем большая часть покрывалась местными бюджетами, что отрицательно влияет на их инвестиционно-инновационный потенциал и на развитие регионов.

Государственные расходы формируются в тесной взаимосвязи с доходами бюджета, а последние зависят от того, как взаимодействует государство с потенциальным налогоплательщиком и его активной позиции по отношению к внутренней политике, общественному самосознанию, экономической грамотности, заинтересованности в результатах и т. д.

С позиций взаимозависимости социальной политики и исполнения доходов бюджета проанализируем уровень поступлений от субъектов экономики.

В структуре доходов бюджета Республики Беларусь наибольший удельный вес приходится на налоговые поступления от 77,03 % в 2019 году до 83,57 % в 2021 году (рисунок 9). В 2022 году их уровень несколько снизился относительно 2021 года и составил 78,24 %, что на 5,33 процентных пункта меньше относительно 2021 года и на 0,47 процентных пункта ниже уровня 2020 года, что свидетельствует о спаде экономической активности и может зависеть от факторов различной направленности.

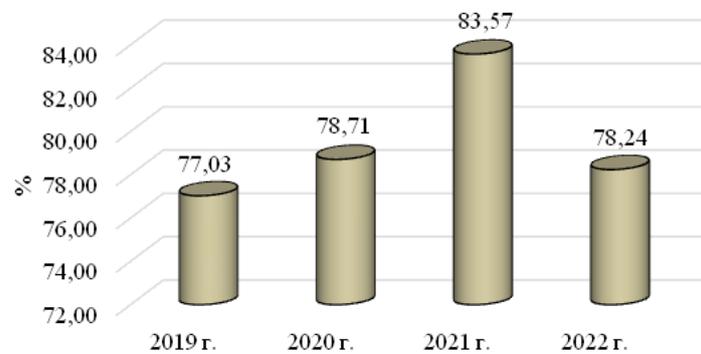

Рисунок 9. Уровень налоговых доходов в общей сумме бюджетных доходов в 2019–2022 годах

Уровень подоходного налога в общей сумме налоговых доходов имел неравномерную динамику и снизился на 1,97 %, что свидетельствует о падении участия домохозяйств в финансировании социальных и других расходов государства, в которых они в большей степени заинтересованы (рисунок 10).

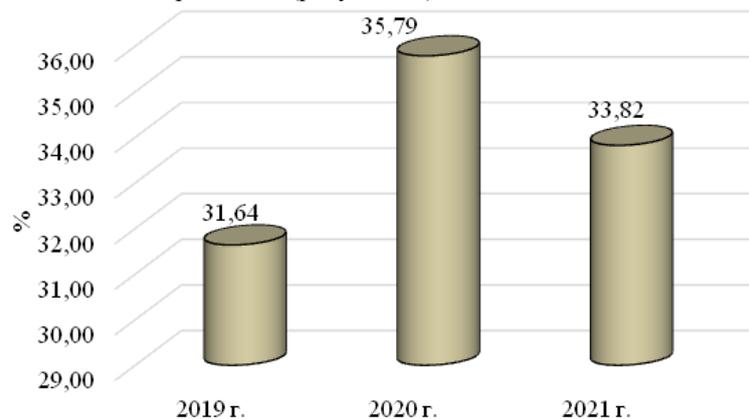

Рисунок 10. Уровень подоходного налога в общей сумме налоговых доходов в 2019–2022 годах

В 2021 году поступления в Фонд социальной защиты населения составили 19,6 млрд рублей, или 102,5 процента утвержденного годового плана. Расходы Фонда социальной защиты населения составили 19,2 млрд рублей, или 99,5 процента утвержденного годового плана (таблица 4) [6].

Таблица 4 – Анализ поступлений и расходов в фонд социальной защиты населения

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Поступления в Фонд социальной защиты населения, млн руб.	15 907,40	17 606,40	19 602,30	21 827,20
Темп изменения, %	-	110,68	111,34	111,35
Уровень поступлений в ФСЗН в общей сумме доходов, %	29,47	33,55	30,16	29,11
Расходы Фонд социальной защиты населения, млн руб.	15 806,20	17 392,50	19 241,10	20 979,6
Темп изменения, %	-	110,04	110,63	109,04
Исполнение плана поступлений в ФСЗН, %	105,67	102,35	102,52	101,23
Исполнение плана расходов в ФСЗН, %	99,16	99,99	99,50	99,01

По данным таблицы 4 видно, что и поступления и расходы по фонду росли, однако это отражает лишь тенденцию изменения социальной политики и подход государства к проблемам социальной защиты населения и пенсионного обеспечения, наблюдается профицит исполнения плана поступлений в фонд. Кардинально противоположную оценку развития фонда дает анализ источников поступлений средств в фонд (рисунок 11 [6]).

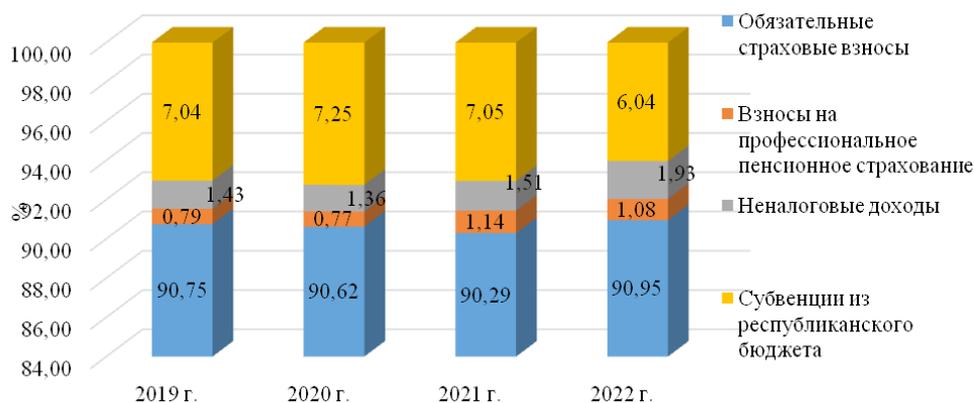

Рисунок 11. Структура поступлений в Фонд социальной защиты населения в 2019–2022 годах

Рисунок 12. Структура расходов Фонда социальной защиты населения в 2019–2022 годах

В структуре расходов ФСЗН (рисунок 12 [6]) преобладают расходы на выплату трудовых пенсий (от 75,98 % в 2021 году до 78,95 % в 2019 году) и расходы на выплату пособий по временной нетрудоспособности, материнству, семейных пособий, пособий по временной нетрудоспособности по уходу за ребенком, пособий по уходу за инвалидом I группы либо лицом, достигшим 80-летнего возраста, на погребение, а также оказание услуг по их выплате (от 19,67 % в 2019 году до 22,57 % в 2021 году).

Доля остальных расходов менее 1 процента (расходы на выплату пенсий и пособий лицам, выехавшим за границу, а также прибывшим в Республику Беларусь, расходы на выплату профессиональных пенсий, расходы на оказание материальной помощи нуждающимся нетрудоспособным лицам, расходы на финансирование мероприятий по обеспечению занятости населения, расходы на финансирование санаторно-курортного лечения и оздоровления, расходы на финансирование специализированных учебно-спортивных учреждений профсоюзов, иные расходы). Но, как видно по данным рисунка 11, почти на 91 % расходы фондов социальной защиты населения и пенсионного обеспечения покрываются субвенциями республиканского бюджета, что указывает на незаинтересованность и низкий коэффициент платежеспособности домохозяйств при одновременном нарушении пропорций демографического развития.

Более наглядно динамика поступлений и расходов Фонда социальной защиты населения в 2020–2022 годах представлена на рисунках 13–14 [6].

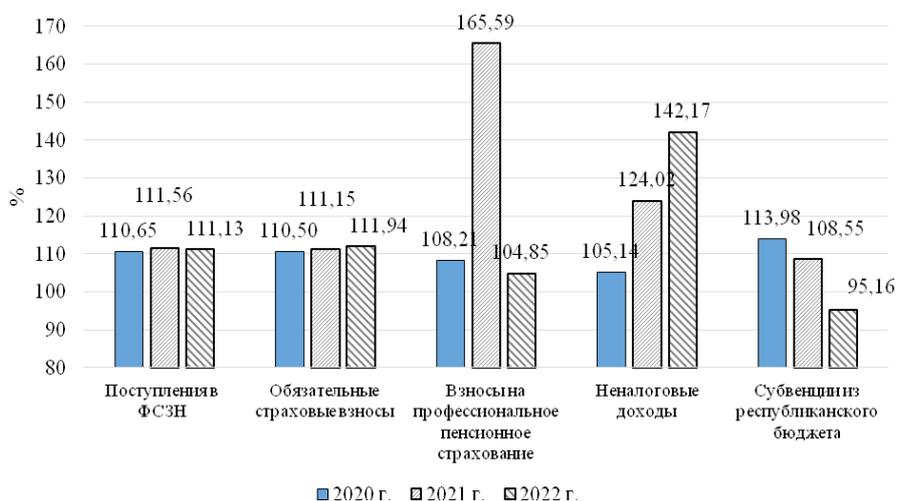

Рисунок 13. Динамика поступлений в Фонд социальной защиты населения в 2020–2022 годах

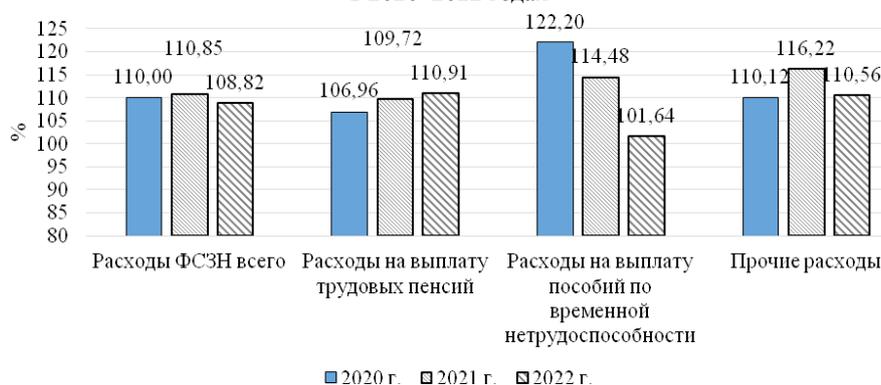

Рисунок 14. Динамика расходов Фонда социальной защиты населения в 2020–2022 годах

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ между поступлениями в Фонд социальной защиты населения и численностью населения Республики Беларусь (рисунок 15 [6, 7]) указывает, что между ними существует обратная прямая связь, т. е. при росте численности населения сумма поступлений в ФСЗН сокращается. Коэффициент корреляции равен минус 0,9744. Данная тенденция указывает на сокращение платежей в ФСЗН от населения вследствие его занятости за пределами страны и соответственно неуплаты налогов.

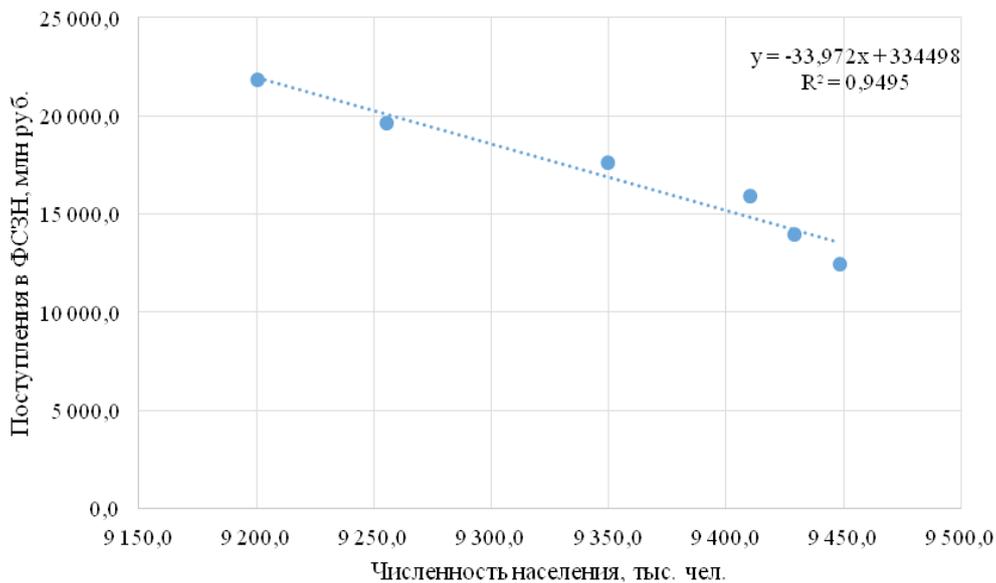

Рисунок 15. График зависимости между поступлениями в Фонд социальной защиты населения и численностью населения Республики Беларусь

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ между налоговыми доходами республиканского бюджета и численностью населения Республики Беларусь (рисунок 16) указывает, что между ними также существует обратная прямая связь, т. е. при росте численности населения сумма налоговых доходов сокращается. Коэффициент корреляции равен минус 0,8744.

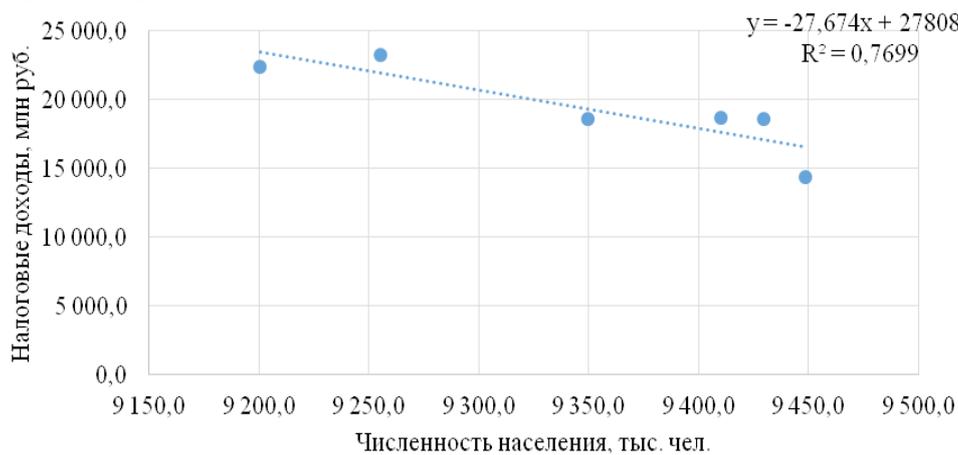

Рисунок 16. График зависимости между налоговыми доходами республиканского бюджета и численностью населения Республики Беларусь

Заклучение

Проведенный анализ даже по небольшой выборке данных однозначно указывает на отрицательные тенденции в развитии экономики республики на уровне домохозяйств. Сложившаяся ситуация указывает на неоднозначность как развития общественного мнения, так и на отсутствие обратной связи между социально-экономическими потребностями общества и отдельно взятого индивида. Физические лица, выступая потребителями общественных благ и являясь участниками социально-экономических отношений, не осознают своего места и значимости в системе «общество – государство – гражданин», так как не определен четко экономический механизм этих взаимоотношений, поскольку все отчисления с доходов, занятость, участие в формировании доходов, а, следовательно, и расходов, и прочие экономические инструменты носят для них абстрактный характер с позиций самосознания, а значит и заинтересованность не имеет экономического стимула.

В условиях цифровизации экономики связать воедино элементы государственной политики в области реализации инструментов социальной защиты, прав гражданина на образование, здравоохранение и прочие социальные гарантии поможет автоматизированная система единой поддержки государственных учреждений и организаций, реализующих стандарты и гарантии государственной политики для физических лиц. Данная система аналитической информации должна действовать на базе единой базы данных Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь и Фондов социальной защиты населения и пенсионного обеспечения. Такая систематизация позволит обеспечить адресность предоставления всей программы социальных стандартов и гарантий для лиц и домохозяйств, которые являются добросовестными налогоплательщиками, на бесплатной либо льготной либо преференциальной основе, а для категории граждан, которые не участвуют в финансировании государственных расходов, в социальном и пенсионном обеспечении, в рамках соблюдения конституционных прав на платной основе с предоставлением минимального объема бесплатных социальных гарантий. В качестве пароля (кода доступа) к личным данным гражданина можно использовать уже имеющийся номер страхового свидетельства государственного социального страхования. Введение единой автоматизированной системы аналитической информации по физическим лицам позволит сократить расходы по администрированию в различных ведомствах, упростить систему контроля и регулирования, повысить заинтересованность домохозяйств в результатах взаимодействия с государством в реализации социальных стандартов и гарантий, снизить расходы бюджета по социальной направленности и повысить доходы, повысить уровень социальной ответственности, обеспечить принципы равнонапряженности и социальной справедливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О состоянии государственных финансов Республики Беларусь за январь-сентябрь 2021 г. [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy/analytical_reports/2021/. – Дата доступа: 20.09.2023.
2. Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2019 год: Закон Респ. Беларусь от 17 июля 2020 г. № 49-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет–портал Республики Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12000049&p1=1>. – Дата доступа: 20.09.2023.
3. Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2020 год: Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2021 г. № 123-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет–портал Республики Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=N12100123&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 20.09.2023.
4. Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2021 год: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2022 г. № 186-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет–портал

Республики Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200186>. – Дата доступа: 20.09.2023.

5. Об утверждении отчета об исполнении республиканского бюджета за 2022 год: Закон Респ. Беларусь от 12 июля 2023 г. № 278-3 [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12300278>. – Дата доступа: 20.09.2023.

6. Сведения о поступлении и расходовании средств бюджета Фонда социальной защиты населения Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Фонд социальной защиты населения. – Минск, 2023. – Режим доступа: <https://www.ssf.gov.by/ru/budget-otchet-ru/>. – Дата доступа: 28.09.2023.

7. Беларусь в цифрах 2023. [Электронный ресурс]. – 2023. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_69861/. – Дата доступа: 28.09.2023.

Поступила в редакцию 4.12.2023 г.

Контакты: tatjananechaeva1@gmail.com (Нечаева Татьяна Георгиевна),

tanjabor11@gmail.com (Бородич Татьяна Анатольевна)

Nechaeva T. G., Borodich T. A. INCREASING THE EFFECTIVENESS OF INTERACTION OF THE STATE WITH POTENTIAL TAXPAYER IN THE FIELD OF SOCIAL POLICY

The article examines the composition, dynamics and structure of budget expenditures of the Republic of Belarus on education and healthcare. The trends in the development of the republican economy at the household level are assessed. Recommendations are given for improving the state social policy from the perspective of interaction with a potential taxpayer (household).

Keywords: taxes, deductions, healthcare, education, social policy, budget, taxpayer, digitalization of economy, automated system of unified support for government institutions and organizations, unified automated system of analytical information for individuals.

УДК 338.439

ОРГАНИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ

Д. В. Ерофеев

аспирант

Белорусский государственный университет пищевых и химических технологий

Данная статья рассматривает проблемы современного сельского хозяйства в контексте необходимости обеспечения продовольственной безопасности при угрозах изменения климата и исчерпания ресурсов. Автор подчеркивает значимость перехода к устойчивым моделям сельского хозяйства, уделяя внимание экологическим и социальным аспектам. Основное внимание уделено органическому сельскому хозяйству как потенциально ключевому направлению устойчивого производства продуктов питания. Проанализированы текущие тенденции органического рынка, эффективность его функционирования и влияние на устойчивое развитие как в развитых, так и в развивающихся странах.

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивое сельское хозяйство, органическая продукция, устойчивое производство.

Введение

Ключевыми моментами в достижении Целей Устойчивого Развития по продовольствию и сельскому хозяйству ООН являются повышение продовольственной безопасности и снижение воздействия на окружающую среду. Основой обеспечения продовольственной безопасности является сельское хозяйство. Существует два конкурирующих подхода к устойчивости в сельском хозяйстве. Один из них подчеркивает строгий экономический подход, в котором рыночные силы должны направлять деятельность сельскохозяйственных производителей. Другой подход отстаивает необходимость балансировки экономических целей с экологическими и социальными, даже при условии снижения прибыльности.

Традиционное сельское хозяйство способно обеспечить продовольственную безопасность даже с учетом прогнозируемого роста населения до 10 миллиардов к 2050 году [1]. В настоящее время традиционное сельское хозяйство отдает предпочтение экономической эффективности использования ресурсов перед другими аспектами, утверждая, что этот путь необходим для обеспечения продовольственной безопасности. Проблемы экологической и социальных сред остаются без внимания, что идет вразрез с Целями Устойчивого Развития.

Аргументы в пользу интенсификации хорошо изложены в литературе как с точки зрения увеличения производства через высокоурожайные культуры, повышенное орошение, механизацию и роль химических средств, увеличивающих объем производства [2], так и с точки зрения сохранения миллионов гектаров лесов, которые в противном случае могли бы быть превращены в земельные угодья, и предотвращения выброса примерно 590 миллиардов тонн CO₂ в атмосферу [3].

Однако методы, применяемые в традиционном сельском хозяйстве, способствуют деградации почв, неэффективному использованию природных ресурсов, негативно сказываются на здоровье человека. С появлением доказательств того, что человечество перешло в эпоху антропоцена, где человеческие давления достигли планетарного

масштаба с точки зрения экосистемных и ресурсных ограничений, а также растущих рисков экологических потрясений и крупномасштабных точек невозврата [4, 5, 6, 7], преобразование мира в сторону глобальной устойчивости признается все более необходимым для обеспечения человеческого развития в условиях работающей и здоровой среды.

Основная часть

Для того чтобы прокормить мир к 2050 году, глобальное продовольственное производство может потребовать увеличения объема производства от 60 до 110 % [8, 9, 10, 11, 12]. Эта задача дополнительно усложняется необходимостью не только производить больше, но и гораздо эффективнее управлять всей цепочкой поставок продовольствия, уменьшая отходы, которые достигли неприемлемых масштабов (по разным оценкам более 30 %), а также способствуя лучшему доступу к питанию и распределению продовольствия [13].

Кроме того, риски, связанные с прогнозируемым изменением климата, могут быть разрушительны для уязвимых сельских хозяйств. Межправительственная группа по изменению климата (Intergovernmental Panel on Climate Change) подчеркивает важность внедрения принципов устойчивости в сельское хозяйство для адаптации к климатическим трудностям и дальнейшего обеспечения продовольственной безопасности [14]. Исследование А. Мии, Б. Миамото, Д. Гарсии подтверждает, что сельские хозяйства, опирающиеся на экологические подходы к земледелию, более устойчивы к экстремальным температурам и осадкам и адаптированы к изменению климата [15].

Несмотря на то, что количество рекомендаций по внедрению принципов устойчивости в сельское хозяйство для повышения устойчивости к изменению климата постоянно увеличивается, нет конкретных и систематических доказательств того, как этот процесс мог бы влиять на уязвимые сельские хозяйства [16]. Устойчивость представляет собой трехмерную модель, требующую изменения практики для преодоления дисциплинарных границ и реализации трансдисциплинарности [17], однако как подчеркивает П. Брэндт и др. [18], а также подтверждает обзор Д. Чами и др. [16], в сельском хозяйстве еще не достигнут уровень интердисциплинарности, при котором знания и методы различных дисциплин объединены в синтетический подход.

Согласно обзору М. Чами и др. [16], количество научных статей в базах данных, включающих «устойчивое сельское хозяйство», внушительное и составляет почти 10% от общего числа статей, касающихся сельского хозяйства, в базе данных «Scopus» (28 509 из 283 593 статей на 13 февраля 2019 года). Различные аспекты управления обычно изучаются отдельно, устойчивое сельское хозяйство исследуется не как единое целое, а рассматриваются лишь некоторые практики и технологии, участвующие в устойчивом сельском хозяйстве, в основном через улучшение биоразнообразия и состояния экосистем. Для преодоления вызовов устойчивого сельского хозяйства стратегии управления должны быть основаны на интеграции всех категорий управления для создания уникального метода управления агросистемами, учитывающего почвы, воду, сельскохозяйственные культуры, генетику, ландшафт, биоразнообразие, экономические и социальные факторы.

Меньше всего внимания в исследованиях уделяется экономическому аспекту устойчивого сельского хозяйства. Идеи баланса и справедливости Адама Смита могут служить основой для создания моста между строгим экономическим подходом к устойчивости и более широким пониманием устойчивого сельского хозяйства, в которой сочетаются экономические, экологические и социальные аспекты.

Адам Смит в своих учениях пропагандировал стремление к прибыли, частную собственность и свободный рыночный обмен, соглашаясь с жесткой экономической

позицией. Однако его труды также соответствуют многим аспектам устойчивого сельского хозяйства. Смит подчеркивал, что люди должны проявлять сдержанность в своем стремлении к личной выгоде, и он верил в балансировку экономических, экологических и социальных соображений.

Идея А. Смита заключается в том, что если люди свободны преследовать свои собственные интересы, в частности увеличение прибыли, то они будут способствовать долгосрочным интересам общества больше, чем если они будут сознательно стремиться продвигать общественное благо. Это применимо к устойчивому сельскому хозяйству: сельскохозяйственное производство будет устойчивым, когда производители будут стремиться к получению большей прибыли, а не к сознательным попыткам продвигать устойчивые практики, так как им это будет выгодно. XX век подтвердил его точку зрения: стремящиеся к прибыли корпорации, ограниченные умеренным государственным регулированием, сделали намного больше для увеличения благосостояния мира, чем распространение «социально ответственных» правительств [19].

Именно личная заинтересованность, а не доброта, является более сильным мотивом, и, следовательно, именно личная заинтересованность в конечном итоге движет экономической деятельностью. Однако Смит подчеркивал, что справедливость имеет первостепенное значение, потому что без нее его экономическая система не будет являться устойчивой. В разрезе концепции справедливости Смит подразумевал, что люди должны проявлять самоограничение в стремлении к выгоде, когда их действия могут причинить вред другим, окружающей среде или обществу в целом. В противном случае правительство должно вмешиваться. Смит подчеркивал, что неограниченные процессы рынка могут оказаться разрушительными для сельскохозяйственной деятельности в долгосрочной перспективе [19]. Рынки могут служить эффективным средством достижения целей устойчивого развития в сельском хозяйстве, если они организованы и тщательно контролируются. Этот принцип успешно реализуется в производстве органических продуктов [20].

В последние десятилетия спрос на органические продукты резко увеличился. Ассоциация органической торговли сообщила, что продажи увеличились с 1 миллиарда долларов в 1990 году до 35,1 миллиарда долларов в 2013 году, более 90% из которых пришлось на продажу продуктов питания, в 2022 году объем продаж только органических продуктов питания превысил 60 миллионов долларов [21].

Рынок органических продуктов может стать основой на пути к достижению Целей Устойчивого Развития, однако многие исследователи подчеркивают, что при полном переходе от традиционного сельского хозяйства к органическому невозможно будет обеспечить население планеты продовольствием из-за низкой урожайности в органическом сельском хозяйстве.

С одной стороны, часть литературы сообщает о значительном снижении урожайности в системах органического сельского хозяйства [22, 23, 24, 25, 26]; однако другие исследования подчеркивают на основе испытаний, что достигнутые урожаи сопоставимы с теми, что получают в системах традиционного сельского хозяйства [27, 28, 29, 30]. Это расхождение в результате объясняется Сойфертом [31], который проанализировал результаты органического сельского хозяйства в литературе и показал, что в некоторых случаях урожайность может быть выше по сравнению с традиционным сельским хозяйством; однако в других случаях урожаи значительно или незначительно ниже (со статистической точки зрения). Сойферт отметил, что изменчивость урожая в значительной степени зависит от сорта культур и социо-экономических условий в конкретном случае [31]. Наконец, когда было замечено стандартное соотношение результатов в средних климатических годах, органическое сельское хозяйство превосходило традиционное сельское хозяйство в года с погодными аномалиями [29, 32], что

подтверждает эффективность органического земледелия для повышения устойчивости сельского хозяйства.

Согласно исследованию Смитт О., Кохен А. и др. [33], усилия по сдерживанию воздействия на окружающую среду через органическую сертификацию могут привести к снижению урожайности. Тем не менее, органические сельские хозяйства в рамках исследования оставались более прибыльными и имели практически равные затраты по сравнению с традиционными сельскими хозяйствами. Более высокая маржинальность органических продуктов смягчает последствия снижения урожайности [34].

Высокая цена на органические продукты относительно обычных продуктов питания объясняется теорией спроса и предложения [35]. По мере популяризации экологичного образа жизни, распространения информации о вредных последствиях синтетических удобрений, пестицидов, гормонов роста и пр. потребители все больше предпочитают безопасные экологически чистые продукты. В развитых странах изменение потребительских предпочтений в сочетании с высокими доходами, что позволяет приобретать дорогие продукты питания, сделало органические продукты более востребованными. На рисунке 1 представлены страны, где объем потребления органических продуктов на душу населения наиболее высокий [36].

World: The ten countries with the highest per capita consumption 2021

Source: FiBL-AMI survey 2023

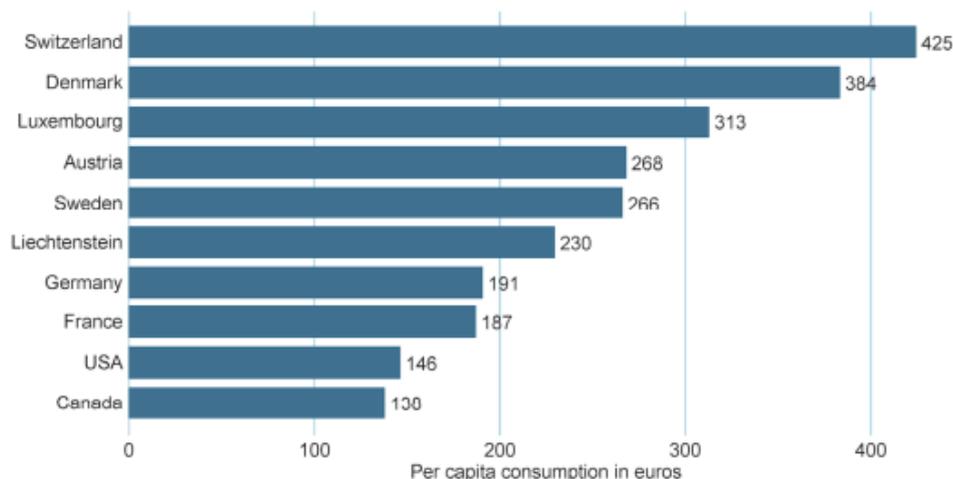

Рисунок 1 – Объем потребления органической продукции на душу населения, евро

Если рассмотреть график спроса и предложения (рис. 2), результатом популяризации осознанного потребления в сочетании с высоким уровнем доходов стал сдвиг кривой спроса вправо. Производители, в свою очередь, реагировали на повышенный спрос увеличением предложения и цены. Со временем все больше фермеров переходило на органическое земледелие, поэтому помимо движения вдоль кривой предложения произошел сдвиг кривой предложения вправо.

Поскольку кривые спроса и предложения сдвинулись вправо, количество органических продуктов соответственно увеличилось, однако снижения цен можно ожидать только тогда, когда предложение будет расти быстрее спроса. Поскольку затраты на производство органической продукции выше, чем на обычную, из-за специфики производства, они могут никогда не снизиться до уровня цен на неорганические продукты.

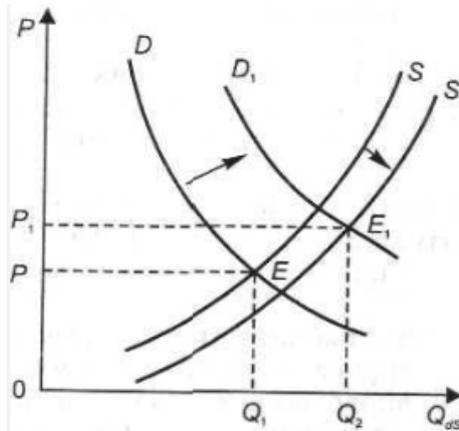

Рисунок 2 – График спроса и предложения на рынке органических продуктов

Важно заметить, что большинство исследований проводится в США и Евросоюзе, где органическое сельское хозяйство поддерживается на государственном уровне, сельскохозяйственная политика может также смягчить последствия волатильности урожая [37]. Кроме того, в развитых странах проводится активная политика популяризации осознанного потребления, что значительно влияет на потребительские предпочтения, повышая спрос на органическую продукцию.

Таким образом, результаты исследования О. Смитт, А. Кохен могут оказаться неактуальными для развивающихся стран со слабой государственной поддержкой органического сельского хозяйства и низким уровнем внедрения новых технологий в сельском хозяйстве. Э. Уол, Б. Смитт в своем исследовании представляют прямую взаимосвязь устойчивых практик сельского хозяйства и адаптации сельских хозяйств к изменениям климата серьезным основанием для большей поддержки правительством политики и программ устойчивого сельского хозяйства [38].

Для роста производства и потребления на рынке органической продукции необходимо соблюдение следующих условий.

1. Наличие достаточного спроса на органические продукты питания. Спрос на органические продукты питания формируется за счет сформированного здорового образа жизни населения, продвижения, информирования населения об экологических проблемах. Для формирования осознанного потребления недостаточно работы эко-движений и работы некоммерческих организаций, освящающих проблемы экологии. Устойчивость в трех ее измерениях (экономическом, экологическом и социальном) должна быть основой государственной политики. В десятке стран с самыми высокими индексами экологической эффективности (ЕП) оказались: Дания, Швеция, Швейцария, Люксембург, Австрия [39]. Возвращаясь к рисунку 1, следует заметить, что эти страны также входят в рейтинг стран с наибольшим потреблением органической продукции на душу населения.

2. Сформированное осознанное потребление населения должно подкрепляться достаточным уровнем доходов. Доля расходов на продукты питания в странах-лидерах по потреблению органической продукции на душу населения не превышает 14 % [40, 41]. Это позволяет населению делать выбор в сторону органической продукции, несмотря на более высокие цены.

3. Производители должны получать выгоду от перехода к производству органической продукции и располагать информационной и материально-технической базой для производства органической продукции. В Индии больше всего в мире органических фермеров (более полутора миллионов) [36]. Однако доля расходов на продукты

питания в Индии превышает 40 % [42], что препятствует росту спроса на органические продукты питания внутри страны, большая часть произведенной органической продукции экспортируется в страны Евросоюза и США. В Индии растет количество экологических программ по снижению загрязнения почвы и рек. Большое количество производителей органической продукции в Индии объясняется весомой государственной поддержкой: национальные программы Индии предусматривают создание институциональных возможностей для распространения передовых практик, делая практикующих фермеров партнерами в стратегии поощрения, обеспечивая повышение квалификации и непрерывное сопровождение, финансовое поощрение органических фермеров. Создаются сертифицированные хабы по производству органической продукции через программу Сертификации больших территорий [36]. Низкие доходы в традиционном сельском хозяйстве в совокупности с обширной государственной поддержкой мотивирует производителей к производству органической продукции.

Заключение

В условиях непрерывного роста населения, угроз изменения климата, истощения ресурсов и необходимости обеспечения продовольственной безопасности, сельское хозяйство стоит перед сложными задачами, требующими системного подхода и устойчивых решений. Традиционное сельское хозяйство, ориентированное на экономическую эффективность, приносит значительные результаты в обеспечении продовольственной безопасности. Однако его методы ведут к деградации почв, неэффективному использованию ресурсов и негативным последствиям для окружающей среды и здоровья человека. Преодоление этих противоречий возможно через переход к устойчивым моделям сельского хозяйства, акцентирующим внимание не только на экономической эффективности, но и экологических и социальных факторах.

На сегодняшний день существует множество подходов к устойчивому производству продуктов питания. Органическое сельское хозяйство может стать основополагающим способом производства продуктов питания в будущем, для этого оно должно быть интегрировано в совокупность стратегий, направленных на достижение устойчивости продовольственной системы. Рынок органической продукции активно развивается последние десятилетия, органическая продукция контролируется сертифицирующими органами, имеет отличительные черты для потребителей, правительствами разрабатываются программы поддержки органических производителей.

Органический рынок продуктов питания успешно функционирует и справляется с повышением устойчивости сельскохозяйственных систем в странах с высоким уровнем доходов и достаточным уровнем осознанности потребления. Однако большинство стран с высоким уровнем потребления органической продукции не располагает количеством сельскохозяйственных угодий для ведения органического сельского хозяйства. Развитие органического производства в развивающихся странах также положительно сказывается на их устойчивом развитии. Несмотря на то, что сначала потребление органической продукции может оставаться низким внутри страны из-за низкого уровня доходов населения, экспорт органической продукции положительно скажется на экономических, экологических и социальных показателях страны. По мере роста уровня жизни населения и популяризации экологической осознанности в стране производители будут готовы удовлетворить растущий спрос населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. World Urbanization Prospects: The 2014 Revision // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. – New York, 2015. – 517 p.
2. World Development Report 2008: Agriculture for Development // World Bank. – Washington, DC, 2007. – 390 p.

3. **Burney, J. A.** Greenhouse gas mitigation by agricultural intensification / J. A. Burney, S. J. Davis, D. B. Lobell // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. – 2010. – Vol. 107. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1073/pnas.0914216107>. – Дата доступа: 09.09.2023.
4. **Lenton, T. M.** Tipping elements in the Earth's climate system / T. M. Lenton [et al] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. – 2008. – Vol. 105. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1073/pnas.0705414105>. – Дата доступа: 09.09.2023.
5. **Rockström, J.** The quadruple squeeze: Defining the safe operating space for freshwater use to achieve a triply green revolution in the Anthropocene / J. Rockström, L. Karlberg // *Ambio*. – 2010. – № 39 (3). – P. 257–265.
6. **Steffen, W.** Planetary boundaries: Guiding human development on a changing planet / W. Steffen [et al] // *Science*. – 2015. – № 347. – P. 736–747.
7. **Waters, C. N.** The Anthropocene is functionally and stratigraphically distinct from the Holocene / C. N. Waters [et al] // *Science*. – 2016. – № 351. – I. 6229.
8. **Pretty, J.** Agricultural sustainability: Concepts, principles and evidence / J. Pretty // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. – 2008. – № 363 (1491). – P. 447–466.
9. Agriculture at a crossroads: The synthesis report / International Assessment of Agricultural Knowledge, Science and Technology for Development (IAASTD) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/7862>. – Дата доступа: 09.09.2023.
10. **Tilman, D.** Global food demand and the sustainable intensification of agriculture / D. Tilman [et al] // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America [Электронный ресурс]. – 2011. – № 108. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1073/pnas.1116437108>. – Дата доступа: 09.09.2023.
11. **Ray, D. K.** Yield trends are insufficient to double global crop production by 2050 / D.K. Ray [et al] // *PLoS One* [Электронный ресурс]. – 2013. – № 8. – Режим доступа: [doi:10.1371/journal.pone.0066428](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0066428). – Дата доступа: 09.09.2023.
12. **Pardey, P. G.** A bounds analysis of world food futures: Global agriculture through to 2050 / P. G. Pardey [et al] // *Australian Journal of Agricultural and Resource Economics*. – 2014. – № 58. – P. 571–589.
13. Global food losses and food waste – Extent, causes and prevention // Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fao.org/3/i2697e/i2697e.pdf>. – Дата доступа: 09.09.2023.
14. Climate Change 2014: Synthesis Report [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr/>. – Дата доступа: 09.09.2023.
15. **Maia, A. G.** Climate change and agriculture: Do environmental preservation and ecosystem services matter? / A. G. Maia; B. C. B. Miyamoto, J. R. Garcia // *Ecol. Econ.* – 2018. – № 152. – P. 27–39.
16. **Chami, D.** How Can Sustainable Agriculture Increase Climate Resilience? A Systematic Review / D. Chami, A. Daccache, M. Moujabber // *Sustainability* [Электронный ресурс]. – 2020. – № 12 (8). – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su12083119>. – Дата доступа: 09.09.2023. – Дата доступа: 09.09.2023.
17. **Hirsch Hadorn, G.** Implications of transdisciplinarity for sustainability research / G. Hirsch Hadorn [et al] // *Ecol. Econ.* – 2006. – № 60. – P. 119–128.
18. **Brandt, P.** A review of transdisciplinary research in sustainability science / P. Brandt [et al] // *Ecol. Econ.* – 2013. – № 92. – P. 1–15.
19. **James, H. S.** Sustainable agriculture and free market economics: Finding common ground in Adam Smith / H. S. James // *Agriculture and Human Values*. – 2006. – № 23(4). – P. 427–438.
20. **Allen, P.** The capitalist composition of organic: The potential of markets in fulfilling the promise of organic agriculture / P. Allen, M. Kovach // *Agriculture and Human Values*. – 2000. – № 17. – P. 221–232.
21. Organic food sales break through \$60 billion in 2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ota.com/news/press-releases/22820>. – Дата доступа: 21.09.2023.
22. **Kloos, J.** Organic cotton production as an adaptation option in North-West Benin / J. Kloos, F. G. Renaud // *Outlook Agric.* – 2014. – № 43. – P. 91–100.
23. **Lechenet, M.** Reconciling pesticide reduction with economic and environmental sustainability in arable farming / M. Lechenet [et al] // *PLoS ONE* [Электронный ресурс]. – 2014. – № 9. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0097922>. – Дата доступа: 09.09.2023.
24. **Ponisio, L. C.** Diversification, Yield and a new agricultural revolution: Problems and prospects / L. C. Ponisio, P. R. Ehrlich // *Sustainability* [Электронный ресурс]. – 2016. – № 8. – Режим доступа: <https://doi.org/10.3390/su8111118>. – Дата доступа: 09.09.2023.
25. **Shennan, C.** Organic and conventional agriculture: A useful framing? / C. Shennan [et al] // *Annu. Rev. Environ. Resour.* – 2017. – № 42. – P. 317–346.
26. **Meemken, E.-M.** Organic agriculture, food security, and the environment / E.-M. Meemken, M. Qaim // *Annu. Rev. Resour. Econ.* – 2018. – № 10. – P. 39–63.

27. **Lotter, D. W.** The performance of organic and conventional cropping systems in an extreme climate year. / D. W. Lotter, R. Seidel, W. Liebhardt // *Am. J. Altern. Agric.* – 2003. – № 18. – P. 146–154.
28. **Denison, R. F.** Crop yields over the first nine years of Itras, a long-term comparison of field crop systems in a mediterranean climate / R. F. Denison, D. C. Bryant, T. E. Kearney // *Field Crop. Res.* – 2004. – № 86. – P. 267–277.
29. The Contribution of Organic Agriculture to Climate Change Mitigation; The International Federation of Organic Agriculture Movements // IFOAM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ifoam-eu.org/sites/default/files/ifoameu_advocacy_climate_change_report_2016.pdf. – Дата доступа: 29.09.2023.
30. **Jacobi, J.** Farm resilience in organic and nonorganic cocoa farming systems in Alto Beni, Bolivia / J. Jacobi [et al] // *Agroecol. Sustain. Food Syst.* – 2015. – № 39. – P. 798–823.
31. **Seufert, V.** Many shades of gray—the context-dependent performance of organic agriculture / V. Seufert, N. Ramankutty // *Sci. Adv.* [Электронный ресурс]. – 2017. – № 3. – Режим доступа: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602638>. – Дата доступа: 09.09.2023.
32. **Binta, B. A. A.** Economic and environmental performances of organic farming system compared to conventional farming system: A case study of the horticulture sector in the niayes region of Senegal / B. A. A. Binta, B. Barbier // *Procedia Environ. Sci.* – 2015. – № 29. – P. 17–19.
33. **Smith, O.** Organic Farming Provides Reliable Environmental Benefits but Increases Variability in Crop Yields: A Global Meta-Analysis / O. Smith, O. Cohen, C. Rieser, A. Davis // *Frontiers in Sustainable Food Systems* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.3389/fsufs.2019.00082>. – Дата доступа: 17.09.2023.
34. **Crowder, D. W.** Financial competitiveness of organic agriculture on a global scale / D. W. Crowder, J. P. Reganold // *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 10.1073/pnas.1423674112. – Дата доступа: 17.09.2023.
35. Demand, Supply, and Efficiency [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openoregon.pressbooks.pub/socialprovisioning2/chapter/4-5-demand-supply-and-efficiency/>. – Дата доступа: 17.09.2023.
36. The World of Organic Agriculture Statistics and Emerging Trends 2023 // Research Institute of Organic Agriculture FiBL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fibl.org/fileadmin/documents/shop/1254-organic-world-2023.pdf>. – Дата доступа: 17.09.2023.
37. **Thompson, W.** Automatic responses of crop stocks and policies buffer climate change effects on crop markets and price volatility / W. Thompson [et al] // *Ecol. Econ.* – 2018. – № 152. – P. 98–105.
38. **Wall, E.** Climate change adaptation in light of sustainable agriculture / E. Wall, B. Smit // *J. Sustain. Agric.* – 2005. – № 27. – P. 113–123.
39. Most Environmentally Friendly Countries 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/most-environmentally-friendly-countries>. – Дата доступа: 17.09.2023.
40. Рейтинг стран Европы по расходам на еду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20221212/eda-1837512329.html?in=t>. – Дата доступа: 17.09.2023.
41. Сколько канадцы тратят на еду [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://immigrant.today/canada/15800-skolko-kanadcy-tratjat-na-edu.htm>. – Дата доступа: 17.09.2023.
42. Engel's Law and the pandemic's impact on our food expenditure [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livemint.com/opinion/online-views/engels-law-and-the-pandemic-s-impact-on-our-food-expenditure-11644945106074.html>. – Дата доступа: 17.09.2023.

Поступила в редакцию 19.11.2023 г.

Контакты: erofeenok@yandex.by (Ерофеенко Дарья Викторовна)

Yerafeyenka D. V. ORGANIC AGRICULTURE AS A BASIS FOR INCREASING SUSTAINABILITY OF AGRICULTURAL SYSTEMS

The article examines the challenges of modern agriculture in the context of the need to ensure food security in the face of climate change and resource depletion threats. The author emphasizes the importance of transitioning to sustainable agricultural models, focusing on environmental and social aspects. Special attention is given to organic farming as a potentially key direction for sustainable food production. The current trends of the organic market, its operational efficiency, and its impact on sustainable development in both developed and developing countries are analyzed.

Keywords: sustainable development, sustainable agriculture, organic products, sustainable production.

УДК 316.334.55(476)

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ В РЕГИОНАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Сакович

кандидат социологических наук
Белорусский государственный университет

В статье представлен анализ социологических исследований провинциальных регионов Республики Беларусь. Определена их специфика. Установлено, что в социологических исследованиях чаще всего под регионом понимается конкретная область, в некоторых случаях – район. Одним из направлений социологического изучения белорусской провинции является противопоставление города и села как двух различных регионов. В некоторых исследованиях регион выделяется на основе уникальных географических, культурных, социальных, экономических характеристик.

Ключевые слова: регион, территория, провинция, село, социологические исследования.

Введение

Государственная политика Республики Беларусь направлена на комплексное развитие всех регионов страны. Особое внимание уделяется провинциальным регионам как наиболее уязвимым. Для белорусской провинции характерен отток молодежи в крупные города, областные центры и столицу. Так, за десять лет численность г. Минска увеличилась на 95494 чел. и составила в 2022 г. 1 996 553 чел. [1, с. 75]. Численность Минского района в 2022 г. составила 265137 чел., что на 92319 чел. больше, чем в 2013 г. [1, с. 76]. Данные статистики указывают на то, что в Республике Беларусь, как и в ряде других стран, наблюдается чрезмерный интерес к столичному региону. Однако не представляется возможным, чтобы все население страны концентрировалось в г. Минске и его окрестностях. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг. предусматривает привлечение в регионы инвестиций и создание новых производств, развитие компетенций, переработку местных ресурсов малых и средних городов, сельских населенных пунктов [2]. Белорусская провинция обладает потенциалом для экономического, социального, культурного развития. Вместе с тем различные регионы имеют свои особенности, которые необходимо учитывать при разработке мер, направленных на улучшение качества жизни в них. Информацию о региональной дифференциации во многом предоставляют результаты социологических исследований. В связи с этим актуальным представляется изучение специфики их проведения. Для этого рассмотрим опыт социологических исследований провинциальных регионов Республики Беларусь, проведенных с конца 90-х гг. XX века по настоящее время.

Основная часть

Исследованием провинции и провинциальных регионов занимался коллектив белорусских ученых Института социологии НАН Беларуси. В 2015 г. под редакцией Р.А. Смирновой была издана монография «Судьба белорусской провинции», в которой рассмотрены такие понятия, как «провинция», «провинциал», «регион», «центр», «периферия», представлены результаты многолетних социологических исследований,

посвященных изучению ценностных ориентаций, территориальной идентификации, материального благосостояния и качества жизни, социально-профессиональной структуры белорусской провинции, человеческого потенциала трудовых ресурсов агропромышленного комплекса и др. Провинциальные регионы были рассмотрены авторами в рамках исследования ценностно-мировоззренческих приоритетов и жизненных стратегий современных провинциалов. Изучалась значимость для них таких ценностей, как жизнь человека, семья, работа, благополучие, независимость, нравственность, порядок, свобода, жертвенность, инициативность, властность, своевольность, традиция, общительность. Региональные особенности ценностной структуры представлены значениями взвешенных средних для Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской, Минской, Могилевской областей [3, с. 84–89]. Следует отметить, что ценностные ориентации жителей белорусской провинции не имели существенных региональных различий.

В структуре белорусской провинции сельское население составляет около 60% [4, с. 65–74]. Исходя из этого рассмотрим опыт социологического изучения сельских регионов Республики Беларусь. Динамика их развития анализировалась в ходе исследований, проведенных Институтом социологии НАН Беларуси в период с 2003 по 2011 гг. Изучались ценностные ориентации, особенности образа жизни, миграционные установки, экономическое поведение, материальное благосостояние, социокультурные ресурсы сельского населения, его отношение к реформированию агропромышленного комплекса, внедрению социально-экономических инноваций, социальные коммуникации в сельском сообществе. На основе данных исследований были сформированы социокультурные портреты сельских регионов Брестской, Витебской, Гродненской, Гомельской, Минской, Могилевской областей [5; 6; 7; 8; 9; 10]. Учеными была проделана огромная работа, результаты которой представлены циклом монографий, отражающих особенности регионального развития каждой области Республики Беларусь.

Исследования сельских регионов позволили установить различия между ними. В частности крестьяне Витебской и Минской областей показывали большую сдержанность в рыночных поведенческих стратегиях, нежели представители других областей. Это проявлялось в меньшем желании стать фермером либо работать в агробизнесе. Среди сельского населения этих областей было меньше тех, кто в целом не хотел работать в агросфере. Социологи отмечали, что недоучет социокультурных различий сельских регионов является барьером на пути их развития. Указывалась необходимость адресной региональной политики, основанной на научной экспертизе социальных и культурных параметров сельского сообщества [11, с. 139–143]. Разработанные социокультурные портреты сельского населения по всем областям Беларуси, с выделением характерных особенностей каждой из них являлись первой попыткой их комплексного изучения.

В 2017 г. Институтом социологии НАН Беларуси было проведено исследование религиозности городского и сельского населения Республики Беларусь, были раскрыты ее региональные особенности. По данным опроса было установлено, что жители села характеризуются большей степенью религиозности и религиозной идентичности, чем жители городов. Была представлена конфессиональная структура сельского населения в разрезе областей. Так, к православным себя относили 89,1 % крестьян Брестской, 77,8 % – Гомельской, 76,1 % – Могилевской области. Католиками считали себя 37,5 % респондентов Гродненской, 17,9 % – Минской, 17,1 % – Витебской области [12, с. 182–184]. Таким образом, региональный аспект изучения религиозности, с одной стороны, представлен сравнением села и города как двух различных регионов, с другой стороны, региональными особенностями конфессиональной структуры областей Беларуси.

В 2019 г. Институтом социологии НАН Беларуси было проведено исследование, в рамках которого изучались вопросы модернизации сельских регионов Республики Беларусь. Анализ результатов опроса показал, что выращивание новых видов и пород животных, сортов растений является актуальным для жителей села всех областей, но не достигло высоких показателей. Среди сельских регионов 16,9% респондентов Гродненской, 11,0 % Минской области давали инновационному фактору положительные оценки. Негативно оценивали его состояние 43,5% жителей села Могилевской области и 36,0 % – Витебской. Анализируя технико-технологический фактор, было установлено, что 47,5 % опрошенных Могилевской области оценивало уровень применения новых технологий в АПК своего района как низкий. В Витебской и Гомельской области такого мнения придерживалось 41,0 % и 33,1 % опрошенных соответственно. Средние оценки были даны сельским населением Минской (33,8 %), Брестской (29,6 %), Витебской (26,8 %) областей. Эффективность работы частных хозяйств 38,8 % крестьян Минской, 37,8 % – Гродненской, 32,5 % – Брестской, 31,7 % – Витебской областей оценивали как средний. В Гомельской и Могилевской области средней ее считали 22,8 % и 13,2 % респондентов соответственно [13, с. 187–200]. Как видно, региональный аспект в данном исследовании раскрывался посредством сравнения областей Республики Беларусь. Мнение сельского населения относительно инновационного, технико-технологического, социально-экономического развития своего района было дифференцировано в зависимости от области проживания.

Некоторые исследователи делают акцент на изучении конкретного региона Республики Беларусь. В 2001 г. под руководством А.Г. Злотникова было проведено исследование отношения крестьян к преобразованиям в агросфере, объектом которого выступало сельское население Гомельской области. Анализировалось отношение сельского населения к вопросу собственности на землю и развитию фермерства. Результаты опроса показали, что 55,6 % респондентов отдавали предпочтение колхозной форме собственности на землю, 29,1 % считали, что земля должна принадлежать частным лицам. Развитие фермерства поддерживало 33,9% опрошенных [14, с. 114–122]. Как видно, сельское население Гомельской области, несмотря на переход к рыночной экономике и усилия по развитию фермерства, отдавало предпочтение колхозной форме собственности на землю.

С конца 90-х гг. под руководством Н.Е. Лихачева было проведено множество социологических исследований, объектом которых выступало сельское население Могилевской области. Изучались перспективы развития фермерства [15], отношение крестьян к модернизации агропромышленного комплекса [16], их оценка своего материального благополучия [17], репродуктивные и миграционные установки сельского населения [18], удовлетворенность социальной инфраструктурой сельских населенных пунктов [19] и др.

В 2011 г. Могилевским институтом региональных социально-политических исследований было проведено исследование региональной идентичности городского и сельского населения Могилевской области. Результаты опроса показали, что исследуемый регион имеет отличия в плане ментальности и поведенческих установок, что обусловлено территориальной близостью с Российской Федерацией. Отмечалось, что с формированием единого таможенного пространства усиливалось желание жителей области переехать в соседнюю страну. Наиболее активно стремились к миграции люди молодого и среднего возраста. Одной из составляющих идентичности являлся патриотизм. Согласно данным опроса, к ключевым его характеристикам относились: любовь к Родине (47,2 %), ценность культуры родного края (44,4 %), вера в будущее страны (39,0 %), гордость ее прошлым (37,8 %), готовность защищать Родину с оружием в руках (35,1 %). В ходе исследования также изучался феномен религиозности. Анализ

данных опроса показал, что большинство населения области считали себя верующими православного религиозного течения (88,7%), католики – 1,6% опрошенных. Среди населения области были представители старообрядчества, ислама, христианской веры евангельской, евангельских христиан-баптистов, буддизма. Несмотря на то, что большинство жителей области считали себя верующими, только 20,5% участвовали в культовой деятельности и соблюдали религиозные предписания [20, с. 27–35]. Таким образом, Могилевская область обладает некоторыми особенностями региональной идентичности, что обусловлено ее территориальным расположением. Представления о патриотизме были схожи с его общепринятым пониманием. Исследование религиозности показало, что большинство жителей региона являлись партикулярными верующими, что характерно для Республики Беларусь в целом.

Региональный аспект изучения села представлен в работах В.Н. Блохина. В статьях «Состояние социально-экономической динамики сельских территорий российско-белорусского приграничья» в двух частях [21; 22], «Влияние неформальных социальных институтов на социально-экономическое развитие сельских сообществ (на примере российско-белорусского приграничья)» [23, с. 291–301] объектом социологического исследования выступает сельское население российско-белорусского приграничья, включающее Брянскую, Псковскую, Смоленскую области Российской Федерации и Витебскую, Гомельскую, Могилевскую области Республики Беларусь. В ходе исследований рассматривались состояние и перспективы социально-экономического развития трансграничного региона, трудности, обусловленные распадом СССР, тенденции и перспективы развития сельских территорий, влияние процессов глобализации на этот процесс [21, с. 92–101]. В указанных выше работах выделение белорусско-российского приграничья, как отдельного региона обусловлено его демографическими, экономическими, социокультурными особенностями в постсоветский период.

В некоторых случаях изучение сельских регионов представлено сравнением конкретных районов области. В монографии Н.Е. Лихачева «Белорусское село в социальном измерении» в разделе «Проблемы развития социальной инфраструктуры села» приводятся суждения крестьян Могилевской области об удовлетворенности обеспечением газом, топливом, торговым обслуживанием, работой учреждений здравоохранения, культуры, органов охраны правопорядка, пункта бытового обслуживания, транспортным сообщением. Анализ результатов представлен как средними значениями по области в целом, так и отдельно по каждому району. Согласно данным опроса, неудовлетворенность газовым обеспечением выражал 31,0% респондентов Бобруйского района и 15,0% Крулянского района, обеспечением топливом – 75,0% и 28% соответственно. В целом по области неудовлетворенность обеспечением газом составляла 24,8%, топливом – 40,3% [17, с. 88–89]. Как видно, ответы респондентов дифференцированы в зависимости от района проживания. Они также отличаются от средних значений по области. Таким образом, изучение конкретных районов позволяет выделить те, которые характеризуются более высокими или низкими оценками, установить их особенности, определить проблемное поле и выработать стратегию развития каждого из них.

В 2019 г. нами было проведено исследование социальной адаптации молодых специалистов, прибывших на работу в агрогородки Мядельского района. Методом глубинного интервью было опрошено 12 респондентов. Изучалась удовлетворенность молодых специалистов предоставленным жильем, медицинским обслуживанием, торговым обеспечением, транспортным сообщением, экологической обстановкой, условиями труда, материальным положением, взаимоотношениями с коллегами, соседями, представителями сельского сообщества, возможности их самореализации в сельской местности [24, с. 46–50]. Анализ полученных результатов показал, что, с одной сто-

роны, агрогородки Мядельского района обладают теми же характеристиками, что и сельские населенные пункты Республики Беларусь в целом, с другой – имеют свои особенности, привлекательные стороны и проблемные места.

Заключение

Таким образом, анализ социологических исследований провинциальных регионов Республики Беларусь позволяет выделить следующие особенности их изучения: 1) чаще всего в социологических исследованиях под регионом понимается конкретная область Республики Беларусь; 2) установление региональных различий определяется посредством сравнения ответов респондентов различных областей; 3) понимание села и города как двух различных регионов является одним из направлений социологического изучения провинциальных регионов Республики Беларусь; 4) в некоторых исследованиях присутствует понимание региона как территории, имеющей свои характерные черты, обусловленные географическим положением, историческими и культурными особенностями; 5) иногда региональный аспект представлен изучением различных районов, сравнительным анализом их между собой и со средними значениями по области. Выделенные особенности следует учитывать в ходе дальнейшего социологического изучения провинциальных регионов Республики Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Регионы Республики Беларусь, 2022 = Regions of the Republic of Belarus, 2022 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Минск : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2022. – Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. – 728 с.
2. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 29 июля 2021 г., № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292>. – Дата доступа: 07.07.2023.
3. Судьба белорусской провинции: социологический анализ / Р. А. Смирнова [и др.] ; под ред. Р. А. Смирновой. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 435 с.
4. *Сакович, А. Ю.* Развитие белорусской провинции: социологический аспект / А. Ю. Сакович // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2023. – № 1. – С. 65–74.
5. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Брестская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
6. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Витебская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
7. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Гродненская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
8. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Гомельская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
9. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Минская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
10. *Смирнова, Р. А.* Социально-культурный портрет сельских регионов Беларуси. Могилевская область / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева. – Минск : Право и экономика, 2012. – 162 с.
11. *Смирнова, Р. А.* Региональное развитие сельских территорий: социологический анализ / Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Т. С. Балакирева // Социология. – 2012. – № 3. – С. 139–143.
12. *Балич, Н. Л.* Конфессиональная структура сельского населения Беларуси и ее региональные особенности / Н. Л. Балич // Социальное знание и проблемы современного развития белорусского общества в условиях глобализации; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Ковчег, 2017. – С. 182–184.
13. *Балич, Н. Л.* Факторы модернизации регионов (по результатам социологического исследования) / Н. Л. Балич // Социол. альм. – 2021. – Вып. 12. – С. 187–200.
14. *Злотников, А. Г.* Аграрные преобразования в фокусе общественного мнения / А. Г. Злотников // Социс. – 2003. – № 9. – С. 114–122.
15. *Лихачев, Н. Е.* Фермерское движение в Беларуси: состояние, возможности, перспективы (на материалах исследования в Могилевской области) / Н. Е. Лихачев // Социология. – 2001. – № 2. – С. 23–27.

16. *Лихачев, Н. Е.* Аграрные преобразования в Беларуси: социологический анализ ситуации / Н. Е. Лихачев // Социология. – 2008. – № 1. – С. 124–131.
17. *Лихачев, Н. Е.* Белорусское село в социальном измерении / Н. Е. Лихачев. – Минск : А. Н. Вараксин, 2007. – 304 с.
18. *Лихачев, Н. Е.* Социология белорусского села / Н. Е. Лихачев. – Могилев : Могилев. гос. ун-т, 2014. – 176 с.
19. *Лихачев, Н. Е.* Проблемы развития социальной инфраструктуры белорусского села / Н. Е. Лихачев // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та. – 2007. – № 4. – С. 53–60.
20. *Лихачев, Н. Е.* Особенности региональной идентичности: социологический анализ / Н. Е. Лихачев // Регионалистика. – 2015. – Вып. 4. С. 27–35.
21. *Блохин, В. Н.* Состояние социально-экономической динамики сельских территорий российско-белорусского приграничья. – Ч. 1 / В. Н. Блохин // Весн. Гродзенс. дзярж. ун-та. – 2015. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – № 3. – С. 92–101.
22. *Блохин, В. Н.* Состояние социально-экономической динамики сельских территорий белорусско-российского приграничья. – Ч. 2 / В. Н. Блохин // Весн. Гродзенс. дзярж. ун-та. – 2016. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – № 1. – С. 103–110.
23. *Блохин, В. Н.* Влияние неформальных социальных институтов на социально-экономическое развитие сельских сообществ (на примере российско-белорусского приграничья) / В. Н. Блохин // Вестник НГУЭУ. – 2018. – № 2. – С. 291–301.
24. *Сакович, А. Ю.* Особенности социальной адаптации молодых специалистов в современном белорусском селе (на примере Мядельского района) / А. Ю. Сакович // Журнал Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2020. – № 2. – С. 46–50.

Поступила в редакцию 20.09.2023 г.

Контакты: sakovich05@mail.ru (Сакович Анжела Юрьевна)

***Sakovich A. Yu.* EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL STUDY IN THE REGIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article presents an analysis of sociological studies of the provincial regions of the Republic of Belarus. Their specificity has been determined. It is established that in sociological research, a region is most often understood as a specific area, in some cases, as a district. One of the directions of the sociological study of the Belarusian province is the juxtaposition of the city and the village as two different regions. In some studies, the region is distinguished on the basis of unique geographical, cultural, social, and economic characteristics.

Keywords: region, territory, province, village, sociological research.

УДК 346

ПРОЦЕССУАЛЬНО–ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАВЕРШЕНИЯ ЛИКВИДАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ О БАНКРОТСТВЕ

Т. А. Корень

кандидат юридических наук, доцент

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Целью исследования является выявление процессуально-правовых особенностей завершения ликвидационного производства по делу о банкротстве в Республике Беларусь. Предметом исследования являются нормы процессуального законодательства Республики Беларусь, сложившаяся судебная практика и статистика.

Результаты исследования в форме выводов, суждений, комментариев представляют научный интерес в области хозяйственного процесса, а также практический интерес в части применения действующего законодательства.

Ключевые слова: банкротство, ликвидационное производство, хозяйственный процесс, судебное определение о завершении ликвидационного производства.

Введение

Почти три десятилетия белорусский институт несостоятельности и банкротства находится в стадии реформирования. За небольшой промежуток времени приняты четыре специальных общих закона, сменяющих друг друга.

С 01.10.2023 вступает в силу принципиально новый закон в сфере неплатежеспособности. При этом все дела, возбужденные до 01.10.2023, будут завершаться в соответствии с законом Республики Беларусь 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)», таким образом определенное время будут применяться оба закона. Актуальность темы обусловлена новеллами банкротного законодательства, наличием существенных особенностей в процессуально-правовом регулировании рассмотрения дел о несостоятельности и банкротстве в целом и значимостью судебного постановления о завершении ликвидационного производства в частности, а также статистикой, согласно которой в 2021 г. в экономические суды Республики Беларусь поступило 3 175 заявлений о банкротстве, в 1 полугодии 2022 г. – 1 302; по состоянию на 01.12.2022 в экономических судах на рассмотрении находилось 1 072 дела, на 01.09.2023 – 716 дел [1–3].

Целью настоящего исследования является выявление процессуально-правовых особенностей завершения ликвидационного производства по делу о банкротстве на основе системного анализа законодательства Республики Беларусь, сложившейся судебной практики.

Вопросам исследования процедур несостоятельности (банкротства) посвящены труды А. Андреева, Т. Адамовой, З. Бессоновой, И. Гордеева, К. Захилько, Н. Иваненко, В. Каменкова, С. Ковалева, М. Кулик, Ю. Литовцевой, Е. Павловой, А. Педько, А. Мирониченко, А. Садовникова, Н. Сарнавской, О. Синкевич, А. Смольского, Н. Мыцких, В. Мыцких, С. Ляха, Д. Ломаника, А. Романова, С. Слукина, В. Трамбачева, И. Умань, В. Химичева, В. Шильченка, А. Чугуновой и др.

Основная часть

С учетом специфики дел рассматриваемой категории, заключающейся в неразрывной связи процесса и применяемых процедур, отметим, что в настоящее время

ликвидационное производство является самостоятельной процедурой, применяемой к должнику, признанному банкротом, в целях ликвидации должника – юридического лица или прекращения деятельности должника – индивидуального предпринимателя, продажи имущества должника и максимально возможного удовлетворения требований кредиторов в соответствии с установленной очередностью (п. 21 ст. 1 Закона Республики Беларусь «Об урегулировании неплатежеспособности», далее Закон 2022 г.) [4]. Согласно законам «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» 2000 г. и 2012 г. ликвидационное производство входило в процедуру конкурсного производства, соответственно не являлось самостоятельной процедурой.

Дела данной категории рассматриваются в порядке отдельных видов хозяйственного судопроизводства. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК Республики Беларусь) содержит отсылочную норму к особенностям рассмотрения дел о несостоятельности, банкротстве (ст. 265) [5]. Общие правила ХПК о судебных постановлениях распространяются на дела о несостоятельности и банкротстве. Процессуально дела о банкротстве завершаются вынесением определения.

Анализ норм ХПК закона Республики Беларусь 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон 2012 г.) [6], который применяется к делам, возбужденным до 01.10.2022 г., Закона 2022 г. и сложившейся судебной практики позволяет выявить и сформулировать следующие признаки и особенности определения о завершении ликвидационного производства по делу о банкротстве.

По содержанию исследуемые определения о завершении ликвидационного производства являются определениями по подводу вынесенного решения, а именно решения о признании должника банкротом и открытии ликвидационного производства, и его исполнения.

Определение о завершении ликвидационного производства по делу о банкротстве по степени их влияния на развитие процесса следует отнести к группе итоговых судебных определений и заключительных (завершающих) судебных постановлений по рассматриваемой категории дел.

Вынесение такого вида и наименования определений предусмотрено ч. 1 ст. 151 Закона 2012 г., ст. 148 Закона 2022 г. По субъекту исследуемые определения выносятся судьей экономического суда единолично от имени суда, по форме – в виде отдельного процессуального документа.

Ни ХПК, ни Закон 2012 г. прямо не содержат императивные нормы о вынесении определения о завершении ликвидационного производства в судебном заседании, теоретически это давало право суду, рассматривающему конкретное дело о банкротстве, самостоятельно, с учетом всех обстоятельств дела решить вопрос о проведении судебного заседания или вынесении определения без его проведения. Анализ судебной практики за 2013–2022 годы [7–10] в зависимости от высказанного позволяет разделить определения о завершении ликвидационного производства на:

- определения о завершении ликвидационного производства, выносимые без проведения судебного заседания. В таком случае суд рассматривал итоговый отчет антикризисного управляющего об исполнении плана ликвидации должника-юридического лица без извещения лиц, участвующих в деле, проверял его на предмет соответствия требованиям Закона 2012 г. по форме и содержанию (ст. 149 Закона 2012 г.), полноты выполнения плана ликвидации и выполнения обязанностей антикризисного управляющего, обоснованности и действительности. При этом суд вправе учесть и принять во внимание утверждение представленного в суд отчета собранием кредиторов, погашение внеочередных платежей и реестра требований кредиторов, привлечение виновных в доведении до банкротства лиц к субсидиарной ответственности, отсутствие жалоб на действия (бездействие) антикризисного управляющего, отсутствие оснований для

продления срока ликвидационного производства и др. Закон 2012 г. не содержал императивной нормы об утверждении отчета антикризисного управляющего по итогам ликвидации собранием кредиторов. Сказанное подтверждается извлечением из постановления судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14.09.2021 по делу № 69-9Б/2020, в котором в частности указано, что «Отсутствие положительного решения собрания кредиторов по вопросу завершения ликвидационного производства в соответствии со статьями 123, 149, частью 1 статьи 151 Закона 2012 г. не является безусловным основанием для вывода суда об отказе в завершении ликвидационного производства и продлении срока ликвидационного производства» [7];

- определения о завершении ликвидационного производства, выносимые по итогам рассмотрения отчета антикризисного управляющего в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле. Судебная практика за последние годы формировалась именно по этому пути. Указанная позиция суда представляется вполне оправданной с учетом выполнения судом процессуального контроля за деятельностью антикризисного управляющего и исполнения судебного решения. Порядок проведения судебного заседания регулируется в таком случае общими нормами ст.ст. 176–187 ХПК. Лица, участвующие в деле, имеют права, предусмотренные ст. 55 ХПК, в том числе заявлять ходатайства, подавать заявления, давать суду, рассматривающему экономические дела, в письменной и устной форме объяснения, приводить свои доводы по всем вопросам, возникающим в ходе судебного заседания. Обобщение определенных рассматриваемого вида по конкретным делам показывает, что в судебных заседаниях принимает участие антикризисный управляющий, отчет которого заслушивается, а также конкурсные кредиторы, чьи требования не погашены или погашены в части, кредиторы, возражающие против завершения ликвидационного производства. Примерами ходатайств, заявляемых в судебном заседании, являются ходатайства о продлении срока ликвидационного производства со стороны кредиторов в связи с невыполнением плана ликвидации в полном объеме. В судебном заседании может быть объявлен перерыв на срок не более пяти дней, в частности, для устранения имеющихся в отчете недостатков, представления дополнительных документов к отчету и т.п. Определение по итогам проведения заседания выносится судом с удалением в совещательную комнату в условиях, обеспечивающих соблюдение тайны совещания судей, по правилам, установленным для принятия решения суда, рассматривающего экономические дела согласно ч. 4 ст. 212 ХПК, подлежит объявлению в том же судебном заседании. Судья также разъясняет порядок и срок обжалования (опротестования) определения суда, рассматривающего экономические дела, порядок и срок представления замечаний на звуко- или видеозапись, краткий протокол, протокол судебного заседания.

Согласно ст. 148 Закона 2022 г. проведение судебного заседания по вопросу завершения ликвидационного производства является обязательным.

Определение о завершении ликвидационного производства в обязательном порядке должно быть мотивированным (ст. 213 ХПК).

Вынесение судом определения о завершении ликвидационного производства имеет ряд специфических правовых последствий:

- согласно ч. 3 ст. 151 Закона 2012 г., п. 5 ст. 148 Закона 2022 г. определение суда о завершении ликвидационного производства является основанием для реализации предусмотренных законодательными актами мер по исключению должника из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее – ЕГР). Доказательства принятия регистрирующим органом решения о внесении записи в ЕГР об исключении соответствующего юридического лица или индивидуаль-

ного предпринимателя из этого регистра подлежат приобщению к материалам дела о банкротстве (ч. 1 п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О некоторых вопросах применения судами законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве)» от 25.06.2015 № 7, далее – постановление) [11]. В свою очередь с момента внесения записи об исключении должника из ЕГР полномочия управляющего прекращаются, ликвидационное производство считается завершенным, должник – юридическое лицо – ликвидированным, должник – индивидуальный предприниматель – прекратившим свою деятельность и свободным от долгов, связанных с его деятельностью в качестве индивидуального предпринимателя;

- определение о завершении ликвидационного производства является основанием возникновения у антикризисного управляющего ряда обязанностей. Так, согласно ч. 2 ст. 151 Закона 2012 г. управляющий в течение пятнадцати дней после вступления определения о завершении ликвидационного производства в законную силу должен представить указанное определение и документы, подтверждающие закрытие текущего (расчетного) и иных счетов в банке, печати и штампы организации либо заявление ее учредителей (участников) об их неизготовлении или сведения о публикации в установленном порядке объявлений об их утрате в соответствующий орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Согласно п. 4 ст. 196 Закона 2022 г. в течение трех рабочих дней с даты вынесения определения суда о завершении ликвидационного производства в отношении банка управляющий направляет в Национальный форекс-центр выписку из реестра требований кредиторов, содержащую сведения о клиентах банка, заключивших соглашения о совершении операций с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами, с указанием размера неудовлетворенных требований таких кредиторов по возврату маржинального обеспечения;

- лицо, являвшееся собственником имущества, учредителем (участником) или другим лицом, в том числе руководителем должника, имевшим право давать обязательные для должника указания либо возможность иным образом определять его действия, не вправе выступать учредителем новых субъектов хозяйствования в течение года после внесения записи об исключении должника из ЕГР (ч. 6 ст. 151 Закона 2012 г.). Закон 2022 г. аналогичной приведенной выше нормы не содержит.

Анализ правовых норм ст.ст. 51, 151 Закона 2002 г., ст.ст. 39, 148 Закона 2022 г. показывает, что определения о прекращении производства по делу о банкротстве и определения о завершении ликвидационного производства следует различать, они относятся по содержанию, основаниям вынесения и правовым последствиям вынесения к разным самостоятельным видам.

Законы 2012 г. и 2022 г. содержат специальные нормы о банкротстве отдельных категорий должников. В частности, на стадии завершения особенностью ликвидации банков в процедуре банкротства является утверждение экономическим судом ликвидационного баланса, представляемого управляющим после завершения расчетов с кредиторами (ч. 6 ст. 208 Закона 2012 г., п. 3 ст. 196 Закона 2022 г.). По состоянию на 01.09.2023 в процедуре ликвидации находится ЗАО «Дельта банк», дело рассматривается Верховным Судом Республики Беларусь [2].

Особенностями правовых последствий завершения процедуры прекращения деятельности индивидуального предпринимателя является:

- запрет на регистрацию индивидуальному предпринимателю, признанному банкротом, вновь в качестве индивидуального предпринимателя в течение года с момента признания его банкротом (ст. 227 Закона 2012 г.);

- требования кредиторов о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью физических лиц, или о компенсации морального вреда, связанного с причинением

вреда их жизни или здоровью, выплате алиментов, а также иные требования личного характера, не погашенные в порядке исполнения решения хозяйственного суда об открытии ликвидационного производства в отношении должника – индивидуального предпринимателя, либо погашенные частично, либо не заявленные при осуществлении процедур экономической несостоятельности (банкротства) в отношении должника – индивидуального предпринимателя, сохраняют силу и могут быть предъявлены после завершения производства по делу о банкротстве индивидуального предпринимателя в полном объеме или в непогашенной их части (ч. 1 ст. 232 Закона 2012 г., п. 2 ст. 219 Закона 2022 г.).

Следует согласиться с утверждением М.А. Кулика о праве суда по собственной инициативе завершить ликвидационное производство [12, с. 29]. Так, в случае направления управляющим необоснованного ходатайства о продлении срока ликвидационного производства экономический суд вправе отклонить ходатайство и завершить ликвидационное производство.

Исследуемые определения подлежат обжалованию по общему правилу в апелляционную инстанцию не позднее пятнадцати дней со дня вынесения определения. Они вступают в законную силу по истечению срока на апелляционное обжалование.

Экономический суд вправе вынести определение об отказе в утверждении отчета по итогам ликвидации, в случае несоответствия отчета управляющего требованиям ст. 149 Закона 2012 г., его необоснованности, недействительности итогов ликвидации, невыполнении плана ликвидации в полном объеме, несоответствия отчета материалам дела и др. Закон 2022 г. в п. 4 ст. 148 содержит перечень оснований для отказа в завершении ликвидационного производства. При этом суд вправе обязать управляющего представить дополнительно документы, совершить определенные действия. Как правило, суд в резолютивной части указывает на необходимость устранения недостатков в установленный судом срок и при необходимости продлевает срок ликвидации.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Дела о банкротстве рассматриваются в порядке отдельных видов хозяйственного судопроизводства. Определения по делам о банкротстве должны соответствовать общим требованиям хозяйственного процессуального законодательства, предъявляемым ко всем судебным постановлениям. Имеет место одновременная регламентация рассматриваемых правоотношений нормами ХПК и специального закона в сфере урегулирования неплатежеспособности.

Определение о завершении ликвидационного производства по делу о банкротстве по содержанию относится к виду определений по поводу вынесенного решения и его исполнения, по степени влияния на развитие процесса – к группе итоговых определений и заключительных (завершающих), по субъекту – к группе определений, выносимых судьей единолично, по форме – в виде отдельного процессуального документа; с 01.10.2023 г. такое определение выносится в обязательном порядке в судебном заседании; подлежит обжалованию в порядке, установленном ХПК. Роль экономического суда на стадии завершения ликвидационного производства состоит в проверке полноты и правомерности проведения мероприятий, предусмотренных планом ликвидации, обоснованности заявления антикризисного управляющего об утверждении отчета по итогам ликвидационного производства и его завершения. Исследуемые определения имеют ряд специфических правовых последствий. В отношении банков и индивидуальных предпринимателей законодательство содержит специальные нормы в сфере регулирования завершения ликвидационного производства и правовых последствий. Дискуссионным является вопрос об обязательности проведения судебного заседания

по вопросу завершения дела о банкротстве в упрощенных процедурах в отношении ликвидируемого либо отсутствующего должника. Предлагается предоставить суду право в упрощенных процедурах завершать ликвидационное производство, вынося определение без проведения судебного заседания. Сказанное соответствует п. 44.2 Концепции правовой политики Республики Беларусь о развитии ускоренных и упрощенных форм судопроизводства [13].

Изложенные в настоящей статье выводы, выявленные особенности будут способствовать более высокой эффективности системы правосудия, могут быть основой дальнейших научных исследований в области банкротства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистика дел // Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве. – Режим доступа <http://www.bankrot.gov.by>. – Дата доступа 01.09.2023.
2. Справка по делам об экономической несостоятельности (банкротстве), находящимся в производстве экономических судов в период с 01.08.2023 по 01.09.2023 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа http://www.court.gov.by/ru/online-help/bankr_inf/f715a5332d864009.html. – Дата доступа 10.08.2023.
3. Бюллетень по делам об экономической несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. – 1 полугодие 2023 г. // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. – Режим доступа http://www.economy.gov.by/online-help/bankr_inf/. – Дата доступа 03.09.2023.
4. Об урегулировании неплатежеспособности: Закон Республики Беларусь, 13 декабря 2022 г., № 227-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-3 с изм. от 27.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Об экономической несостоятельности (банкротстве): Закон Республики Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Постановления судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 14.09.2021 по делу №69-9Б/2020 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа http://www.court.gov.by/ru/online-help/bankr_inf/f715a5332d864009.html. – Дата доступа 15.12.2022.
8. Постановления судебной коллегии по экономическим делам Верховного Суда Республики Беларусь от 11.10.2022 по делу №220-13Б/2019 // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Режим доступа http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/acts_vs/economics/92c0c39915b248a7.html. – Дата доступа 15.12.2022.
9. Определение экономического суда Витебской области от 01.11.2022 по делу №152Б 2161 // Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве. – Режим доступа <http://www.bankrot.gov.by>. – Дата доступа 15.12.2022.
10. Определение экономического суда Витебской области от 04.11.2022 по делу №152Б 2160 // Официальный сайт Единого государственного реестра сведений о банкротстве. – Режим доступа <http://www.bankrot.gov.by>. – Дата доступа 15.12.2022.
11. О некоторых вопросах применения судами законодательства об экономической несостоятельности (банкротстве): постан. Пленума Верх. Суда Респ. Беларусь, 25.06.2015, №7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
12. Кулик, М. А. Процессуальные полномочия арбитражного суда первой инстанции в делах о несостоятельности (банкротстве): автореф. на соискание учен. степени канд. юрид. наук: 12.00.15 / М. А. Кулик. – Москва, 2009. – 31 с.
13. Концепции правовой политики Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 28.06.2023, №196 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Поступила в редакцию 22.09.2023 г.

Контакты: koren@msu.by (Корень Татьяна Анатольевна)

Koran T. A. PROCEDURAL AND LEGAL FEATURES OF COMPLETING LIQUIDATION PROCEEDINGS IN A BANKRUPTCY CASE

The purpose of the study is to identify the procedural and legal features of the completion of liquidation proceedings in a bankruptcy case in the Republic of Belarus. The subject of the study is the norms of the procedural legislation of the Republic of Belarus, the established judicial practice and statistics.

The results of the study in the form of conclusions, judgments, comments are of scientific interest in the field of the economic process, as well as of practical interest in terms of the application of the current legislation.

Keywords: bankruptcy, liquidation proceedings, economic process, court ruling on the completion of liquidation proceedings.

УДК 349.6

НЕДРА КАК ОБЪЕКТ ЭКОЛОГО–ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

А. В. Слепцов

кандидат юридических наук, декан факультета экономики и права
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Статья посвящена изучению содержания и системы эколого-правовой охраны недр. В статье рассматриваются основные группы объектов эколого-правовой охраны. Автор приходит к выводу, что недра, как объект эколого-правовой охраны, подлежат правовой охране как компонент природной среды, объект права исключительной государственной собственности и права природопользования.

Ключевые слова: недра, природные ресурсы, охрана недр.

Введение

Устойчивое развитие нашего государства и улучшение качества жизни населения напрямую зависит от реализации мер, направленных на охрану окружающей среды, в том числе на охрану недр и рациональное использование природных ресурсов. Сохранение и рачительное использование недр должно оставаться одним из приоритетных направлений деятельности государства и общества [1, с. 96].

Проблематика правовой охраны недр, в том числе предупреждения и преодоления правовыми средствами многообразного отрицательного воздействия на них деятельности человека, в настоящее время существенно актуализируется в силу осознания особой роли недр как компонента природной среды, выступающего основанием наземных и подземных экологических систем, и одновременно являющегося источником многих видов полезных ископаемых, содержащим уникальные геологические минералогические, палеонтологические материалы.

Основная часть

Правовая охрана в теории права трактуется как вид воздействия права на общественные отношения, целью которого является обеспечение соблюдения и защита прав и законных интересов субъектов этих отношений.

Так, О. С. Колбасов указывал, что право выступает одним из наиболее эффективных инструментов управления и, выражая экологические требования в виде общеобязательных правил поведения, интенсивно используется в целях решения задач охраны окружающей среды и обеспечения рационального использования природных ресурсов [2, с. 3].

В понятии правовой охраны находит выражение прежде всего охранительная функция права, которая, как отмечает О. Г. Лапшина, представляет собой обусловленное социальным назначением направление правового воздействия, нацеленного на охрану общезначимых, наиболее важных экономических, политических, национальных, личных отношений, вытеснение явлений, чуждых данному обществу [3, с. 7–8]. На данные признаки указывают и иные авторы [4].

Правовая охрана предполагает создание необходимых условий для стабильного функционирования общественных отношений с учетом специфики их предмета, предупреждения и пресечения явлений, нарушающих условия для их бесконфликтного развития и противоречащих охраняемым общественным интересам, правам и закон-

ным интересам граждан. Данный вывод правомерно принять во внимание при определении сущности правовой охраны недр как неотъемлемой составляющей правового обеспечения охраны окружающей среды.

Как обоснованно отмечает В. И. Червонюк, основное назначение охранительной функции права заключается в превентивной охране общественных отношений, предотвращении нарушений норм права, а эффективность ее тем выше, чем больше субъектов прав подчиняются предписанию норм права, выполняют требование запрета, побуждая их воздерживаться от совершения наказуемого поступка [5, с. 168]. Вместе с тем ученый указывает, что, охраняя общественные отношения, право пресекает, запрещает, карает действия, нарушающие условия нормального развития, противоречащие интересам общества, государства и граждан, и тем самым вытесняет их [5, с. 168]. В этом проявляется правовая защита, применяемая в случаях негативного воздействия на объекты правовой охраны и включающая пресечение противоправных деяний, восстановление нарушенных прав, а также применение к виновным установленных мер ответственности.

О. Г. Цикаришвили, разграничивая понятия «правовая охрана», «правовая защита», «обеспечение» и «гарантирование», делает вывод о том, что «охрана» включает в себя «защиту», и с их помощью (вместе с «гарантированностью») достигается «обеспечение» как наиболее широкая, собирательная категория [4].

В системе правовой охраны определяющее значение имеет объект правовой охраны. Объект правовой охраны обуславливается общественными отношениями, складывающимися с учетом специфики предмета этих отношений. В научных исследованиях отмечается, что проблема объекта воздействия права остается не до конца разработанной; отдельные авторы выделяют и отождествляют объект субъективного права и объект правоотношения, другие указывают и на наличие такого элемента в правоотношении, как предмет [6, с. 8].

Под объектом эколого-правовой охраны подразумевается объект (предмет) правового воздействия в широком смысле слова. Таким объектом, в частности, называются окружающая среда в целом, недра, иные компоненты природной среды, природные и другие объекты, связанные с окружающей средой [7; 8, с. 56].

В юридической литературе выделяются три основные группы объектов эколого-правовой охраны:

- компоненты природной среды (земля, недра, воды, леса, животный мир, атмосферный воздух и др.);
- естественные экологические системы, природные ландшафты и природные комплексы, не подвергшиеся антропогенному воздействию, имеющие глобальное значение;
- объекты особой охраны, то есть специально выделенные в законодательстве территории и части природы, редкие виды растений и животных и т. д. [9, с. 49–52].

Отметим, что С. А. Боголюбов под объектами правовой охраны окружающей среды понимает ее составные части, находящиеся в экологической взаимосвязи, отношения по использованию и охране которых урегулированы правом, поскольку представляют экономический, экологический, рекреационный, демографический, эстетический интерес [10, с. 48].

Под объектом правовой охраны также понимается объект субъективного права (объект интеллектуальных прав, объект прав собственности и др.). Так, правовой охране подлежит исключительная собственность государства на недра, воды, леса (ч. 6 ст. 13 Конституции) [11]. Тем самым определяются основы правового статуса недр и содержание их правовой охраны. Данные нормы действуют во взаимосвязи с частью шестой ст. 44 Конституции, согласно которой осуществление права собственности не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вреда окружа-

ющей среде, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц. Это требование правомерно распространить и на осуществление государством правомочий собственника недр, в том числе при определении условий пользования недрами иными субъектами [12, с. 30].

Т. И. Макарова к объектам экологических отношений обоснованно также относит право природопользования [8, с. 56], выделяя такие его виды, как общее и специальное природопользование, а также обращая внимание на содержательную специфику права комплексного природопользования [13].

Согласно ст. 3 Кодекса Республики Беларусь о недрах [14] (далее – Кодекс о недрах), объектами отношений в области использования и охраны недр являются: ресурсы недр, участки недр, в том числе геологические и горные отводы, горные предприятия, отдельные горные выработки, геологическая информация, минералогические, палеонтологические и иные уникальные геологические материалы (далее – МПиУГМ), права на пользование недрами. Из этих объектов преимущественно средствами экологического права охраняются ресурсы недр, геологическая информация, МПиУГМ.

Что касается иных объектов отношений в области охраны недр, признаваемых таковыми согласно Кодекса о недрах, а именно участков недр, горных предприятий, прав на пользование недрами, необходимо отметить, что во многом их правовой режим определяется средствами гражданско-правового регулирования. Так, участки недр, согласно Гражданскому кодексу Республики Беларусь [15], определены как недвижимые вещи (п. 1 ст. 130).

Также отметим, что иными законодательными актами практически не предусматривается специфика правового режима иных объектов отношений в области использования и охраны недр (горные предприятия, отдельные горные выработки; геологическая информация; права на пользование недрами и др. (ст. 3 Кодекса о недрах)).

Объектом правовой охраны также выступают законные интересы, то есть, как определяет В. В. Субочев, стремление субъекта пользоваться социальным благом и обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов [16]. В. В. Болгова указывает, в частности, что в основе формирования публичного интереса лежат потребности, осознаваемые как собственные всеми субъектами (и людьми, и государством, и обществом), а средства удовлетворения таких всеобщих потребностей должны быть правовыми и предполагать в целом построение правопорядка [17, с. 8]. Т. И. Макарова отмечая, что окружающая среда в целом является общественным потребительским (публичным) благом, указывает на такой существенный признак этого блага, как неделимость и возможность использования его лишь совместно с другими индивидами [18, с. 11].

В связи с отмеченным, полагаем, что в правовом регулировании должен быть обеспечен баланс экологических и экономических интересов общества. Правовая охрана недр в данном значении базируется на особых свойствах недр как составляющей окружающей среды – общественного потребительского (публичного) блага, обуславливает необходимость правовой охраны соответствующих публичных интересов в обеспечении благоприятного состояния окружающей среды, ее способности быть источником соответствующих ресурсов.

Конституция прямо не закрепляет положения о необходимости охраны недр, как и иных компонентов природной среды. Однако в ней закреплены положения об осуществлении государством контроля за рациональным использованием природных ресурсов в целях сохранения и улучшения условий жизни (ч. 2 ст. 46 Конституции). В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 6 июля 2016 г. было отмечено, что недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства, которая, являясь общественным достоянием, удовлетворяет общественные потребности, при-

звана служить интересам всего общества не только в настоящем, но и в будущем; это отвечает положению преамбулы Конституции, декларирующему ответственность народа Беларуси за ее настоящее и будущее [19].

Таким образом, в правовой охране недр необходим учет их роли как общественно-го достояния, призванного служить интересам всего общества не только в настоящем, но и в будущем, удовлетворяя общественные потребности в сохранении естественных условий существования и пространственного предела самоопределения народа, наличия необходимых природных ресурсов как основы благосостояния народа и суверенитета Республики Беларусь, в благоприятном состоянии окружающей среды (ч. 1 ст. 9, ч. 1 ст. 46 Конституции).

Заслуживает внимания позиция А. С. Шестерюка, который указывает на универсальный характер экологических отношений, их связь с процессами развития систем, что позволяет каждое явление природы, общества и человека рассматривать как объект охраны и права [20].

Исходя из понимания в естественнонаучной литературе экосистемы как любой системы, включающей в свой состав сообщества живых существ и среду их обитания, объединенные в единое функциональное целое [21], в Конвенции о биологическом разнообразии экосистема определена как динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое [22].

А. С. Шестерюк полагает, что эколого-правовой подход способен и обязан любое изучаемое в его границах явление интерпретировать как экосистему, выявляя в нем черты, особенности и закономерности, которые вне его не очевидны, не проявляются [20].

Особенностью недр, широко признаваемой в естественнонаучной литературе, является ограниченность их ресурсов; полезные ископаемые и минеральные ресурсы практически не восстанавливаются в период, сопоставимый с человеческой жизнью или хотя бы с жизнью нескольких поколений людей. С другой стороны, оценка запасов ресурсов недр постоянно уточняется по мере модернизации и совершенствования технических средств и технологий освоения недр, вовлечения в производство ранее не использовавшихся видов ресурсов недр. Так, разведка месторождений полезных ископаемых в большинстве случаев сегодня проводится на глубине до 300 метров, при этом использование современных технологий позволяет осуществлять добычу на глубине до двух-трех тысяч метров [23].

Выталкивание в поверхностные слои земной коры полезных ископаемых также происходит в результате геологических процессов. Полагаем, однако, что в силу протяженности во времени этих процессов, обеспечение рационального использования разведанных и доступных для освоения ресурсов недр – в настоящий период важная составляющая правовой охраны недр.

В Кодексе о недрах обоснованно различаются понятия «недра» и «ресурсы недр». При этом к ресурсам недр Кодекс о недрах относит полезные ископаемые, подземные пространства и геотермальные ресурсы недр, промышленное и иное хозяйственное использование которых технологически возможно и экономически целесообразно (п. 39 ст. 1). Таким образом, недра являются более широким юридическим понятием, а правовая охрана недр включает обеспечение рационального использования их ресурсов, но не сводится только к нему.

Недра, связанные с землей, являются ее естественным продолжением. Нарушение взаимосвязей между составными элементами недр, изменение условий протекания геологических процессов на отдельных участках недр могут оказывать существенное влияние на верхний слой земной коры. В результате хозяйственной и иной деятельности,

связанной с использованием недр, добытых ископаемых и веществ, при бурении скважин и иных способах пользования ресурсами недр, технологическими отходами могут загрязняться почвы, поверхностные и подземные водные объекты, атмосферный воздух.

Как отмечается в научной литературе, факторы, влияющие на трансформацию природной среды под воздействием, в частности, разведки и добычи нефти, проявляются в разрушении горных пород; загрязнении грунтов и подземных вод за счет использования буровых растворов и коррозии металла обсадных труб, остающихся в недрах после прекращения бурения и добычи нефти; интенсивном засолении почв в зонах воздействия буровых скважин и земляных амбаров [24, с. 2]. При этом в зонах наиболее неблагоприятной геоэкологической ситуации химические, гидрологические, гидрогеологические, физико-механические процессы вызывают формирование техногенных форм рельефа, химическое загрязнение почв, загрязнение поверхностных и увеличение минерализации подземных вод, изменение гидрогеологических условий территории [24, с. 12–13].

Физическое нарушение структуры недр, нарушение температурных режимов геологических процессов приводят к нарушению почвенно-растительного покрова над участком недр, природных ландшафтов на площадках добычи полезных ископаемых и прилегающих к ним территориях. Изъятие водных ресурсов и сброс сточных вод в процессе воздействия на недра ведет к истощению и загрязнению наземных водных объектов, развитию эрозий земли, заболачиванию, просадкам, оползням на соответствующей территории. Такое воздействие, в свою очередь, приводит к изменению среды обитания объектов подземного и наземного животного мира, ухудшению условий их размножения и путей миграции и др. [12, с. 40].

Вред, который может быть причинен в результате негативного воздействия на недра как непосредственно недрам, так и другим компонентам природной среды, окружающей среде в целом, а в конечном итоге жизни и здоровью человека, обуславливает необходимость комплексных мероприятий по охране недр [25, с. 155–156].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что недра подлежат правовой охране как компонент природной среды, объект права исключительной государственной собственности и права природопользования, а также как общественное достояние, призванное служить интересам всего общества, удовлетворяя общественные потребности в сохранении естественных условий существования, сохранении благоприятного состояния окружающей среды, наличия природных ресурсов как основы благосостояния народа Беларуси.

Перманентные совершенствования правовой охраны недр определяются необходимостью создания правовых условий для стабильного функционирования общественных отношений, связанных с недрами, с учетом юридически значимых свойств недр, а также предупреждения и пресечения явлений и процессов, нарушающих условия для бесконфликтного развития этих отношений, в том числе противоречащих охраняемым общественным и государственным интересам, правам и законным интересам граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Слепцов, А. В.* Охрана недр: конституционно-правовой аспект / А. В. Слепцов // Весн. Магілёў. дзярж. ун-та ім. А.А. Куляшова. Сер. Д. Эканоміка. Сацыялогія. Права. – 2022. – № 1 (59). – С. 92–97.
2. *Колбасов, О. С.* Концепция экологического права / О. С. Колбасов // Право окружающей среды в СССР и Великобритании. – М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1988. – 132 с.
3. *Лапшина, О. С.* Охранительная функция права в системе функций права : автореф. дис. канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. С. Лапшина ; Тольят. гос. ун-т». – Казань, 2011. – 25 с.

4. **Цикаришвили, О. Г.** Охранительная функция российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. Г. Цикаришвили ; Саратов. гос. акад. права. – Саратов, 2008. – 25 с.
5. **Червонюк, В. И.** Характеристика собственно юридических и социальных функций права / В. И. Червонюк // Общая теория гос. и права : учеб. пособие / под ред. В. В. Лазарева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – С. 164–172.
6. **Ермолаева, Е. В.** Объект правоотношения: историко-теоретическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. В. Ермолаева ; Ульянов. гос. ун-т. – Казань, 2004. – 27 с.
7. **Бринчук, М. М.** Экологическое право: объекты экологических отношений / М. М. Бринчук. – М. : Институт государства и права РАН, 2011. – 152 с.
8. **Макарова, Т. И.** Объекты экологических правоотношений / Т. И. Макарова // Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – С. 56–63.
9. **Шлютер, М. С.** Административная ответственность за правонарушения в области охраны недр и недропользования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / М. С. Шлютер. – М., 2013. – 226 с.
10. Экологическое право : учеб. пособие / под ред. С. А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. – 482 с.
11. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. – 80 с.
12. **Слепцов, А. В.** Правовая охрана недр в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / А. В. Слепцов. – Минск, 2021. – 187 л.
13. **Макарова, Т. И.** Теоретические проблемы правового положения физических лиц в экологических правоотношениях [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06 / Т. И. Макарова. – Режим доступа : <http://www.law.edu.ru/article/article.asp?articleID=1298371>. – Дата доступа : 10.09.2023.
14. Кодекс Республики Беларусь о недрах [Электронный ресурс] : 14 июля 2008 г., № 406-3 : принят Палатой представителей 10 июня 2008 г. : одобр. Советом Респ. 20 июня 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.02.2022 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
15. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.11.2023 г. // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
16. **Субочев, В. В.** Теория законных интересов [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Субочев ; Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Режим доступа : <https://www.disserscat.com/content/teoriya-zakonnykh-interesov>. – Дата доступа : 10.09.2023.
17. **Болгова, В. В.** Публичное право: проблемы теории, методологии, практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / В. В. Болгова ; Самар. гос. экон. ун-т. – Самара, 2009. – 47 с.
18. **Макарова, Т. И.** Теоретические основы правового регулирования отношений в сфере окружающей среды / Т. И. Макарова // Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.]. – Минск, 2013. – Гл. 1. – С. 9–12.
19. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь о недрах» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 6 июля 2016 г., № Р-1047/2016 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
20. **Шестерюк, А. С.** Экологическое право: проблемы методологии : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.06. / А. С. Шестерюк. – СПб., 2000. – 257 л.
21. Экосистемы. Общая характеристика экосистем [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ecology-education.ru/index.php?action=full&id=506>. – Дата доступа : 19.09.2023.
22. Конвенция о биологическом разнообразии [Электронный ресурс] : [заключена в Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.] // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
23. Геологи: истощение запасов полезных ископаемых – это миф [Электронный ресурс] / Т. И. Макарова. – Режим доступа : https://news.rambler.ru/science/36753564/edium=read_more&utm_source. – Дата доступа : 09.08.2023.
24. **Антипин, Е. Б.** Трансформация геосистем припятского Полесья под воздействием буровых работ на нефть : автореф. дис. ... канд. географ. наук : 25.00.36 / Е. Б. Антипин ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 25 с.
25. **Слепцов, А. В.** Концептуальные основы правовой охраны недр / А. В. Слепцов // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2021. – № 5. – С. 152–157.

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Контакты: sleptsov@msu.by (Слепцов Андрей Витальевич)

Sleptsov A. V. SUBSOIL AS AN OBJECT OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL PROTECTION

The article is devoted to the study of the content and system of environmental and legal protection of the subsoil. The article discusses the main groups of environmental protection facilities. The author concludes that the subsoil, as an object of environmental protection, is subject to legal protection as a component of the natural environment, an object of the exclusive state property right and nature management right.

Keywords: subsoil, natural resources, subsoil protection.

УДК 343.1

СУБЪЕКТЫ, ОБЪЕКТ И ПРЕДЕЛЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПО УГОЛОВНО–ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

С. И. Довгун

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В соответствии с Уголовно-процессуальным законодательством Республики Беларусь освидетельствование направлено на выявление только таких повреждений, которые расположены в основном на поверхности тела живого человека и не требуют специальных медицинских исследований для их выявления и фиксации.

В статье предпринята попытка проанализировать положения действующего законодательства, взгляды ученых процессуалистов по данной проблематике.

Ключевые слова: освидетельствование, особые приметы, основания освидетельствования, процессуальный порядок, следователь, специалист.

Введение

Освидетельствование – это самостоятельное следственное действие, целью которого является исследование телесных повреждений человека, особых примет, следов преступления, выявления состояния опьянения и других характеристик и признаков, имеющих значение для уголовного дела.

Особое внимание стоит обратить на то, что в ходе освидетельствования происходит вторжение в сферу личных прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Республики Беларусь. При производстве освидетельствования также могут быть выявлены тайны личной жизни освидетельствуемого, скрываемые им от других лиц.

Поэтому участники освидетельствования должны быть предупреждены о недопустимости разглашения или использования фактов, ставших им известными в ходе освидетельствования, в том числе касающихся любых личных качеств освидетельствуемого.

Сделав объектом освидетельствования лишь тело живого человека, законодатель существенно сужает возможности данного процессуального действия в части получения доказательственной информации, характеризующей расследуемое преступление, (в том числе и способы его совершения).

Основная часть

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь к объектам освидетельствования относит тела подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего по делам тяжких или особо тяжких преступлений против них [1].

Спорными в теории и практике уголовно-процессуального права являются случаи, когда необходимо обнаружить предметы в теле человека (например, проглоченные предметы) с помощью специальных (как правило, медицинских) инструментов. Некоторые ученые-процессуалисты предлагают рассматривать такие случаи, как своего рода личный обыск, но проводимый только с помощью врача. Другие считают, что здесь есть судебно-медицинская основа, приводя в пример, случай с похи-

щенными золотыми часами и обнаруженными в желудке подозреваемого при рентгеноскопии.

Проанализировав вышеизложенное, можно сделать вывод, по своим ограничениям освидетельствование ближе к судебно-медицинской экспертизе, чем к личному обыску. Это объясняется тем, что действия, совершаемые в данном случае (пусть и своеобразные), связаны с использованием простого инструмента для установления факта нахождения инородного тела в организме человека (здесь не требуется сложного исследования или глубоких медицинских познаний).

Было бы желательным внести изменения в ч. 1 ст. 206 и ч. 1 ст. 211 УПК указав, что естественные полости тела человека могут быть осмотрены и исследованы при проведении освидетельствования и личного обыска. При этом в законе должны быть предусмотрены нормы, обзывающие участие врачей в этих следственных действиях в подобных случаях.

Еще одним спорным в УПК Республики Беларусь является вопрос о том, проводятся ли следственные действия наравне с осмотром тела и одежды освидетельствуемого. Некоторые ученые придерживаются мнения, что объектом освидетельствования является только тело человека, а одежда исследуется в ходе осмотра или личного обыска. По этому поводу А. А. Чувилев пишет: «ничто не мешает следователю вначале закончить освидетельствование, составить протокол, а затем приступить к производству осмотра одежды или обуви, либо наоборот» [2, с. 26]. В тоже время Ю. Г. Торбин отмечает, что «при ближайшем рассмотрении целей личного обыска оказывается, что в процессе его проведения не могут быть достигнуты цели освидетельствования, дополняемого осмотром» [3, с. 171–172].

Точка зрения авторов, признающих возможность одновременного исследования тела и одежды в процессе освидетельствования, не представляется необоснованной. Так, при совершении многих преступлений, особенно против личности, на теле и одежде потерпевших, а в некоторых случаях на теле и одежде лиц, совершивших общественно опасные деяния, остаются взаимосвязанные следы и повреждения, которые могут быть обнаружены и зафиксированы для установления обстоятельств дела. Поэтому в таких ситуациях целесообразно проводить одновременный осмотр тела и одежды. Во многих случаях результаты такого осмотра имеют принципиальное значение для подтверждения версии инсценировки преступления. Одновременный осмотр тела и одежды позволяет сравнить вид, форму и размер повреждений, а также расположение повреждений на одежде и теле. Такое сопоставление позволяет сориентироваться и позволит задать вопросы специалисту.

Стоит подчеркнуть, что при несвоевременном осмотре одежды или затягивании его проведения теряются важные улики против подозреваемого. Качество расследования снижается из-за необходимости проведения дополнительных следственных действий и работы специалистов для получения таких доказательств. И наоборот, своевременный и качественный осмотр одежды подозреваемого может способствовать его изобличению и стать основным и главным источником доказательств, подтверждающих вину подозреваемого [4, с. 33].

Так, в Москве произошел пожар в одном из крупных развлекательных центров. Никаких уличающих обстоятельств в отношении подозреваемого не было получено. Однако в манжетах его брюк были обнаружены частицы стекла, свидетельствующие о том, что во время поджога преступник разбил стекло витрины. Обнаруженные частицы были направлены на экспертизу в Институт ядерных исследований имени В. И. Курчатова. В процессе многократного расщепления ядер обнаруженных частиц стекла была установлена их идентичность с разбитым витринным стеклом. Это обстоятельство послужило основной уликой виновности подозреваемого [4, с. 34].

В связи с вышеизложенным, как отмечают некоторые авторы, целесообразно дополнить ст. 206 УПК нормой, допускающей осмотр одежды и обуви освидетельствуемого при производстве освидетельствования, изложив ее в следующей редакции: «Одновременно с освидетельствованием может производиться осмотр одежды и обуви освидетельствуемого. Полученные результаты заносятся в протоколе освидетельствования».

Однако следует подчеркнуть, что сегодня следователи и лица, производящие дознание, не могут отразить данные осмотра тела и одежды в одном протоколе. Осмотр одежды и обуви осуществляется в ходе другого следственного действия – осмотра предметов.

Проанализировав работы ученых, можно убедиться, что рассмотрение вопроса об объектах и границах освидетельствования было бы неполным без анализа процессуального статуса лиц, в отношении которых может быть проведено рассматриваемое следственное действие. Как уже отмечалось ранее, в соответствии с ч. 1 ст. 206 УПК Республики Беларусь, освидетельствованию могут быть подвергнуты: подозреваемый, обвиняемый и потерпевший в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления. Проведение освидетельствования в отношении свидетеля белорусским уголовно-процессуальным законом запрещено.

Введя ограничения, установленные ч. 1 ст. 206 УПК, законодатели подчеркнули особенность правового статуса потерпевших и свидетелей в уголовном процессе и частично приняли позицию исследователей, отстаивающих недопустимость принудительного освидетельствования этих участников уголовного процесса. Л. И. Родевич в этой связи пишет: «...принудительное освидетельствование потерпевших и свидетелей противоречит их процессуальному положению, оно не может быть признано нравственно допустимым. Принуждение по отношению к лицу, заведомо непричастному к преступлению, каким является свидетель, а тем более по отношению к потерпевшему, которому уже причинен вред преступлением, не может быть оправдано задачами борьбы с преступностью, ибо эти задачи могут быть успешно решены лишь при неуклонном соблюдении прав и законных интересов граждан» [5, с. 6].

Ст. 206 УПК допускает проведение освидетельствования потерпевшего только в случае совершения в отношении его тяжкого или особо тяжкого преступления. Тем самым подтверждается, что ограничение неприкосновенности личности потерпевшего – меньшее социальное зло, чем опасность не привлечения лиц, совершивших подобные деяния к уголовной ответственности. Таким образом, можно сделать вывод, что законодательство, чрезмерно подчеркивающее неприкосновенность личности свидетеля и потерпевшего не только не соответствует требованиям Конституции Республики Беларусь [6] и уголовно-процессуального закона, но и может противоречить интересам самих потерпевших.

В уголовно-процессуальной деятельности возможны ситуации, когда потерпевший и (или) свидетель оговаривают подозреваемого или обвиняемого, заявляя, что именно он причинил телесные повреждения и ограбил. При отсутствии иных доказательств предварительное следствие может зайти в тупик либо пойти по неверному пути, подвергнув уголовному преследованию невинного, что нарушит такие основополагающие принципы уголовного процесса, как обеспечение подозреваемому, обвиняемому права на защиту (ст. 17 УПК); всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств уголовного дела (ст. 18 УПК); равенство граждан перед законом и равенство защиты их прав и законных интересов (ст. 20 УПК) [5, с. 60–61]. Более того, все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов [6]. Но, несмотря на эти, закрепленные в законе правила, в уголовном процессе фактически действует механизм, нередко ограничивающий возможность доказывания подозреваемым или обвиняемым своей невиновности.

Следует отметить, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. №174-ФЗ (ред. от 09.01.2023 г.) в числе субъектов, которые могут быть подвергнуты освидетельствованию, называет подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля [7]. При этом в данной норме содержится правило, в соответствии с которым освидетельствование свидетеля проводится с его согласия, за исключением случаев, когда освидетельствование необходимо для оценки достоверности его показаний. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (в ред. от 15.12.2021 г.) предусматривает возможность освидетельствования без каких-либо процессуальных изъятий подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля [8]. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V (в ред. от 26.03.2023 г.) также указывает на возможность проведения освидетельствования в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего [9]. Однако в ч. 2 ст. 226 УПК Республики Казахстан содержится ограничение в отношении принудительного освидетельствования потерпевшего и свидетеля. УПК Республики Молдовы устанавливает, что «органы уголовного преследования вправе производить освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, свидетеля или потерпевшего с его согласия или с санкции судьи по уголовному преследованию» [10, ст. 119]. Более того, ст. 260 Модельного УПК государств-участников СНГ дает право следователю «...производить освидетельствование подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего» [11].

Предложения некоторых авторов [12, с. 64] о введении санкции прокурора на проведение освидетельствования являются спорными, поскольку освидетельствование является неотложным следственным действием и во многих случаях должны проводиться оперативно.

Не выдерживает критики утверждение некоторых ученых о том, что освидетельствование является унижением человеческого достоинства и причиняет душевные страдания. Таким образом, хотя освидетельствование значительно уступает судебно-медицинской экспертизе, по объему совершаемых действий и затраченному времени, возможность проведения последней (с учетом известных ограничений, предусмотренных ч. 3 ст. 229 УПК) в отношении свидетеля не вызывает сомнений. При проведении данного вида экспертизы эксперт обязан осмотреть тело исследуемого с целью фиксации телесных повреждений и их следов, чтобы сделать объективные выводы [3, с. 62].

Следует подчеркнуть, что УПК Республики Беларусь не содержит прямых ответов на вопросы, касающиеся субъектов, наделенных правом на принудительные действия в процессе освидетельствования. Несомненно, лицо, проводящего следственное действие, имеет на это право. Однако усилий таких лиц может оказаться недостаточно, и закон может запретить следователю (лицу, производящему дознание) присутствовать при освидетельствовании. Возникает вопрос: вправе ли понятые или специалист осуществлять принудительные действия в отношении освидетельствуемого [13, с. 44]. Проанализировав работы ученых на этот счет, можно сделать вывод, что нет. С этической точки зрения вряд ли приемлемо возлагать такую обязанность на специалиста или понятого, с юридической – ст.ст. 62, 64 УПК не предоставляют им такого права.

Выход видится в привлечении для производства принудительного освидетельствования сотрудников органа дознания. Право на это следователю (лицу, производящему дознание) предоставлено ч. 7 ст. 36 и ч. 4 ст. 192 УПК. В подтверждение этого стоит отметить, что, например, сотрудникам органов внутренних дел, которые являются представителями органа дознания, законом предоставлено право применять физическую силу для преодоления противодействия их законным требованиям, если ненасильственными способами это сделать невозможно. Привлечь сотрудников органов

дознания для участия в освидетельствовании следователь может, направив на имя начальника органа дознания поручение с требованием об оказании содействия в производстве следственного действия в соответствии с ч. 7 ст. 36 УПК.

Заключение

Таким образом, в соответствии с УПК Республики Беларусь, освидетельствованию подлежат подозреваемый, обвиняемый и в некоторых случаях потерпевший. Необходимо внести изменения в ст. 206 УПК, обеспечивающие возможность проведения освидетельствования потерпевших и свидетелей без всяких ограничений. Решения о характере и пределах принудительных действий, допускаемых при производстве освидетельствования, должны, с одной стороны, учитывать недопустимость любого унижающего человеческое достоинство обращения и действий, а с другой – обеспечивать достижение целей освидетельствования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. ; одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 22.07.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. **Чувилев, А. А.** Следственные действия по уголовно-процессуальному законодательству СССР и некоторых зарубежных социалистических стран. Лекция / А. А. Чувилев. – М. : Изд-во Академия МВД СССР, 1989. – 36 с.
3. **Торбин, Ю. Г.** Теория и практика освидетельствования / Ю. Г. Торбин. – СПб. : Издательский дом «Питер», 2004. – 176 с.
4. **Филиппова, А. Г.** Криминалистика: учебник / под ред. А. Г. Филиппова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Спарк, 2000. – 687 с.
5. **Родевич, Л.** Об освидетельствовании потерпевшего и свидетеля / Л. Родевич, Ю. Шкаплеров // Законность и правопорядок. – 2009. – № 1 (9). – С. 59–62.
6. Конституция Беларусь 1994 (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г., 17.10.2004г., и 27.02.2022 г.) ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 22 ноября 2001 г. № 174_ФЗ (по сост. На 27.12.2021 г.) – Режим доступа http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/. – Дата доступа : 21.03.2023.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI (по состоянию на 7 июня 2021 г.) // Информационные системы Фемида. – Режим доступа : <http://femida.kiev.ua/ugolovno-processualnyj-kodeks-ukrainy-2017>. – Дата доступа : 21.3.2023.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.01.2022 г.). – Режим доступа : https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. – Дата доступа : 21.03.2023.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 14 мар. 2003 г., (с изм. и доп. по сост. на 21.07.2022 г.) – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729. – Дата доступа: 21.03.2023 г.
11. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств, 17 февр. 1996 г. [Электронный ресурс] // Информац. бюл. Межпарламент. Ассамблеи СНГ. – 1996. – № 10 (в ред. постановления Межпарламентск. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 3 дек. 2009 г. (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 33-19 «Об изменениях и дополнениях к модельным Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам для государств – участников СНГ по вопросам борьбы с терроризмом») // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
12. **Пичкалева, Г.** Нравственный аспект принудительного освидетельствования потерпевших / Г. Пичкалева // Социалистическая законность. – 1976. – № 3. – С. 63–64.
13. **Логвин, В.** Освидетельствование: процессуальные и криминалистические проблемы и возможные пути их решения / В. Логвин // Юстиция Беларуси. – 2009. – № 7. – С. 43–48.

Поступила в редакцию 13.09.2023 г.

Контакты: dovgun61@mail.ru (Довгун Светлана Ивановна)

Dovgun S. I. SUBJECTS, OBJECT AND LIMITS OF EXAMINATION UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

In accordance with the Criminal Procedure Law of the Republic of Belarus, the examination is aimed at identifying only such injuries that are located mainly on the surface of the body of a living person and do not require special medical examinations to identify and fix them.

The article attempts to analyze the provisions of the current legislation, the views of procedural scientists on this issue.

Keywords: examination, special signs, grounds for examination, procedural order, investigator, specialist.

УДК 343.3/7

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Р. Н. Ключко

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Е. Г. Гуцко

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

В статье определяются составы преступлений, которые в соответствии с действующим Уголовным кодексом Республики Беларусь относятся к преступлениям против прав и законных интересов несовершеннолетних и совершаются с использованием сети Интернет; предлагается их классификация по различным основаниям. Определяется, что понимается под преступлениями, совершаемыми с использованием сети Интернет. Отмечается, что указанная группа общественно опасных деяний по своей сути является преступлениями против информационной безопасности и отличается специфическими способом и (или) средством совершения преступления в отношении определенной категории лиц.

Ключевые слова: интернет-преступления, несовершеннолетние, глобальная компьютерная сеть Интернет, информационная безопасность, классификация преступлений.

Введение

Существуют особые социально-демографические группы, которые в силу объективных обстоятельств нуждаются в принятии дополнительных мер по защите их прав. Ряд физиологических, психологических и социальных особенностей несовершеннолетних обуславливают повышенное внимание государства к вопросам обеспечения безопасности детства. Сегодня проблема охраны детей от любого негативного воздействия на их физическое и психическое здоровье, нормальные условия формирования нравственных ориентиров и моральных устоев несовершеннолетних приобретает особо острый характер ввиду открытости информационного пространства, увеличения доступности и удешевления современных средств коммуникации. Дети все чаще проводят время во «всемирной паутине» [1], которая переполнена информацией деструктивного содержания, а информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) открывают широкие возможности для удаленного влияния на сознание несовершеннолетних.

Благодаря своим свойствам Интернет может быть использован на любой стадии преступного деяния, выступать в качестве способа или средства совершения преступлений, которые посягают на разные объекты уголовно-правовой охраны. В связи с многообразием преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет (интернет-преступлений), научный интерес представляет их классификация. Широкая вовлеченность детей в Интернет-пространство подтверждает актуальность проведения классификации указанных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних.

© Ключко Р. Н., Гуцко Е. Г., 2024

Основная часть

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) использование сети Интернет в процессе совершения преступления называется в качестве способа и (или) средства только в некоторых составах преступления и выступает в качестве конструктивного или квалифицирующего признака (ст.ст. 130², 188, 289¹, 341¹, ч. 2 ст. 343¹, ч. 3 ст. 361, ст.ст. 367, 369, 369¹ УК). Однако интернет-преступления не ограничиваются только составами, в которых использование ИКТ прямо указано в нормах уголовного закона.

Компаративный обзор норм уголовных кодексов государств — участников Содружества Независимых Государств позволил выделить «две крупные группы уголовных правонарушений, при совершении которых для воздействия на охраняемый объект используются цифровые и иные информационно-телекоммуникационные технологии: 1) собственно киберправонарушения (проступки и (или) преступления в сфере информатизации и связи); 2) правонарушения информационного характера, где «цифровой» признак (сопряженность с информатизацией) встроен в оболочку так называемых традиционных (общеуголовных) преступлений и отражает их информационную направленность (обусловленность)» [2, с. 35]. Вторая группа преступлений включает в себя как традиционные преступления, совершение которых опосредовано техническими средствами, так и новые деяния, общественная опасность которых связана с увеличением оборота информационных потоков. Последние посягают на такой объект уголовно-правовой охраны, как информационно-психологическая безопасность, которая наряду с информационно-технической безопасностью является частью интегративного объекта уголовно-правовой охраны – информационной безопасности [см.: 3, 4]. Обеспечение информационной безопасности детей требует принятия дополнительных мер, в том числе и уголовно-правовых, что обуславливается объективными особенностями несовершеннолетнего возраста.

Преступления, посягающие на несовершеннолетних, их права и интересы, объединены в главе 21 УК. Наличие в уголовном законе соответствующей главы обусловлено осознанием государством приоритетности и важности интересов несовершеннолетних как объекта уголовно-правовой охраны, необходимости принятия особых мер по защите детства, а также является следствием выполнения обязательств Республики Беларусь, вытекающих из международных документов, в частности Конвенции о правах ребенка, принятой резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года (далее – Конвенция о правах ребенка). В белорусском уголовном законодательстве дифференцированный подход к ответственности за посягательства на несовершеннолетних также выражается в закреплении самостоятельных составов преступлений, направленных против ребенка, но расположенных в других главах или разделах УК; придании признаку возраста потерпевшего (малолетнего, несовершеннолетнего) статуса квалифицирующего или особо квалифицирующего признака [5, с. 118–119].

Подход, закрепленный в правовой доктрине, согласно которому специфика информационной безопасности несовершеннолетних заключается в информационном воздействии на сознание и психику ребенка, приводит к тому, что в преступлениях против информационной безопасности несовершеннолетних информация выступает средством совершения преступления, способствующим достижению преступной цели, направленной на иные объекты уголовно-правовой охраны. Информационная безопасность выступает в этом случае в качестве дополнительного объекта преступного посягательства, в связи с чем уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за рассматриваемые преступления, размещены в разных разделах и главах УК. Проанализировав нормы уголовного закона Республики Беларусь, можно выделить следующие составы преступлений против информационной безопасности несовершеннолетних:

- доведение до самоубийства (ч. 2 ст. 145 УК), склонение к самоубийству (ч. 2 ст. 146 УК) (глава 19 УК);

- развратные действия (ст. 169 УК), понуждение к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 170 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ч. 2 ст. 171¹ УК) (глава 20 УК);

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 172 УК), вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение (ст. 173 УК) (глава 21 УК);

- склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 2 ст. 331 УК), склонение спортсмена к использованию вещества и (или) метода, включенных в Республиканский перечень запрещенных в спорте веществ и методов (ч. 2 ст. 331¹ УК) (глава 29 УК);

- изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера (ч. 2 ст. 343 УК), изготовление и распространение порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетнего (ч. 2, 3 ст. 343¹ УК) (глава 30 УК).

Отметим, названные выше составы преступлений предусматривают совершение противоправного деяния в отношении одного конкретного несовершеннолетнего, и в случае оказания деструктивного информационного воздействия на неопределенный круг лиц они не применяются. Реагируя на современные угрозы информационной безопасности, белорусский законодатель установил уголовную ответственность за пропаганду терроризма (ст. 289¹ УК), пропаганду или публичное демонстрирование, изготовление, распространение нацистской символики или атрибутики (ст. 341¹ УК), пропаганду самоубийства (ст. 342¹ УК), но осуществление указанной деструктивной пропаганды в отношении несовершеннолетних не влечет повышенной уголовной ответственности.

В науке выделяются следующие категории посягательств, совершаемые в информационной среде против несовершеннолетних:

- «посягательства на нормальное нравственное и физическое развитие (половую неприкосновенность), совершенные с использованием глобальной сети Интернет;

- распространение вредной информации;

- информационное насилие;

- посягательства на права и интересы несовершеннолетних;

- информационные кражи (в данном случае имеются в виду кражи аккаунтов, кражи ник-неймов, паролей, кражи в онлайн-играх (кража амуниции, понижение статуса, утрата достижений))» [6].

Первая группа преступлений включает в себя деяния, связанные с распространением порнографических материалов и предметов порнографического характера, вовлечением несовершеннолетнего в изготовление порнографии и сексуальные отношения, уголовная ответственность за совершение которых установлена ст.ст. 343, 343¹, 169 УК. В последние годы проблема защиты детей от деструктивной информации, способной причинить вред физическому и психическому здоровью и нормальному нравственному развитию в сфере половых отношений, особо обострилась. Связано это, в первую очередь, с развитием ИКТ, которые создают все необходимые условия для груминга (тактический подход взрослого человека к несовершеннолетнему, вступление с ним в доверительные отношения, как правило, с сексуальными целями), склонения несовершеннолетнего к сексуальным действиям, предложения ему совершить названные действия, общения с несовершеннолетним в целях совершения с ним сексуальных действий и встречи с ребенком с той же целью (сексуальные домогательства). По мнению О. О. Топориковой, названные деяния не попадают под признаки преступлений, предусмотренных ст. 168, 169, 343, 343¹ УК, а также приготовления к ним либо поку-

шения на их совершение, и необходимо дополнить уголовный закон самостоятельным составом, устанавливающим ответственность за указанные деяния [7].

Остальные перечисленные выше составы преступлений против информационной безопасности несовершеннолетних относятся к связанным с распространением вредной информации, включая ч. 2 ст. 145 УК и ч. 2 ст. 170 УК, и которые можно определить как вид информационного насилия.

Относительно того, что следует понимать под вредной информацией, существуют разнообразные точки зрения, которые закладывают в данное понятие разное смысловое содержание. Существует как узкий подход [8, с. 67–68] к пониманию вредной информации, так и широкий. В последнем случае ряд исследователей не дает четкого определения рассматриваемого понятия, а просто приводит перечень и виды информации, которую следует понимать в качестве вредной [6; 9, с. 8]. Белорусский законодатель применительно к защите интересов несовершеннолетних в информационной сфере придерживается узкого подхода и в качестве уголовно-наказуемого признал распространение информации, связанной с вовлечением несовершеннолетних в преступную или антиобщественную деятельность, подрывающую физическое и психическое здоровье детей, их нравственное и духовное развитие. Однако сегодня назрела необходимость пересмотра всех составов преступлений, связанных с распространением информации, создающей угрозы для интересов несовершеннолетних, с точки зрения установления повышенной ответственности за ее распространение среди несовершеннолетних, а также криминализации новых деяний, которые в настоящее время не получили уголовно-правовой регламентации. Так, в Республике Беларусь вне сферы правового воздействия остается деятельность администраторов групп в социальных сетях, информация в которых непосредственно не направлена на возбуждение у несовершеннолетних решимости совершить самоубийство, но побуждает к совершению действий, способных причинить вред их жизни или здоровью. В этой связи несомненный интерес вызывает опыт российского законодателя, который установил уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ введена Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ).

Информационное насилие получило распространение именно с развитием новых дистанционных средств коммуникации. Н. А. Борщов определяет информационное насилие как «форму нарушения информационной безопасности, связанную с вторжением в личное информационное пространство человека информации, которая может негативно повлиять на его психологическое состояние, причинить прямой вред его здоровью или даже быть опасной для жизни» [10, с. 289]. В уголовном законе повышенная ответственность установлена за такие разновидности информационного насилия в отношении детей, как понуждение к действиям сексуального характера (ч. 2 ст. 170 УК) и доведение до самоубийства (ч. 2 ст. 145 УК). Иные разновидности информационного насилия квалифицируются по статьям УК, которые предусматривают ответственность за посягательства информационного характера в отношении личности без дифференциации ответственности за посягательства на права ребенка (например, ст.ст. 186, 188 УК) либо не криминализированы вовсе (угроза распространения компрометирующих сведений, аудио-, фото- и видеоматериалов либо иной информации, разглашения которой пострадавшая сторона не желает, угроза совершения названных противоправных действий в отношении близких).

К преступлениям, посягающим на права и интересы несовершеннолетних, можно отнести незаконные действия в отношении информации о частной жизни, персональных данных, личной информации (фотографий, переписки, видео, информации о лице, размещенная в открытом доступе в социальных сетях), иной конфиденциаль-

ной информации, которую желают сохранить в тайне ее обладатели. Уголовная ответственность за указанные действия предусмотрена, ст.ст. 203, 203¹, 203² УК, которые не определяют в качестве квалифицирующего признака несовершеннолетний возраст потерпевшего. Защита конфиденциальной информации детей, в частности информации о частной жизни и персональных данных, вытекает из международных стандартов по правам ребенка (ст. 16 Конвенции о правах ребенка). Об особой защите конфиденциальной информации несовершеннолетнего свидетельствуют не только нормы международного права, но и отмечают представители правовой доктрины [11, с. 181]. Таким образом, очевиден особый характер безопасности конфиденциальной информации детей как объекта уголовно-правовой охраны.

Заключение

Преступления против прав и законных интересов несовершеннолетних, совершенные с использованием сети Интернет, представляют собой общественно опасные деяния в отношении определенной категории лиц, которые могут быть объединены в отдельную группу по признаку объекта преступного посягательства и характеризуются специфическими способом и средством их совершения. Информационная безопасность несовершеннолетних выступает в качестве дополнительного объекта преступления. Особенности сети Интернет предоставляют широкие возможности для преступной деятельности, в связи с этим имеются основания классифицировать указанные преступные деяния по основному объекту уголовно-правовой охраны следующим образом: преступления против жизни и здоровья (ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 146 УК); преступления против половой неприкосновенности или половой свободы (ст. 169, ч. 2 ст. 170, ч. 2 ст. 171¹ УК); преступления против интересов несовершеннолетних (ст.ст. 172, 173 УК); преступления против здоровья населения (ч. 2 ст. 331, ч. 2 ст. 331¹ УК); преступления против общественного порядка и общественной нравственности (ч. 2 ст. 343, ч. 2, 3 ст. 343¹ УК). Указанная выше классификация включает составы преступлений, направленные непосредственно против ребенка либо предусматривающие несовершеннолетнего потерпевшего в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака. Однако существует ряд преступных посягательств, которые не предусматривают повышенную ответственность за совершение противоправных деяний в отношении несовершеннолетнего, но могут существенно навредить психическому и физическому здоровью детей. Предлагаем, указанные деяния в зависимости от прав несовершеннолетних (в соответствии с Конвенцией о правах ребенка), нарушаемых в результате преступления, подразделить на следующие группы: нарушающие право ребенка на жизнь (ч. 2 ст. 145, ч. 2 ст. 146, ст. 342¹ УК); право на личную жизнь, семейную жизнь, неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции, или незаконного посягательства на его честь и репутацию (ст.ст. 186, 188, 203, 203¹, 203² УК), на защиту от незаконного употребления наркотических средств и психотропных веществ (ч. 2 ст. 331 УК), на защиту от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения (ст. 169, ч. 2 ст. 170, ч. 2 ст. 171¹, ч. 2 ст. 343, ч. 2, 3 ст. 343¹ УК).

Общественно опасные информационные деяния, в том числе совершаемые с использованием сети Интернет, причиняют вред разным родовым объектам уголовно-правовой охраны. Попытка сгруппировать преступления по признакам дополнительного объекта, наличия «цифрового» признака, специфического способа и средства приводит к объединению преступлений, причиняющих вред неоднородным по своему содержанию общественным отношениям. С теоретической точки зрения классификация названной группы преступных деяний представляет несомненный научный интерес для понимания сущности преступлений против информационной безопасности и дальнейших исследований в обозначенной области. Однако при разработке мер по

предупреждению данных преступных посягательств такой широкий подход не обеспечивает дифференциацию методов борьбы с противоправными деяниями. В связи с этим под преступлениями против прав и законных интересов несовершеннолетних, совершенными с использованием сети Интернет, в первую очередь следует понимать преступления, совершаемые в отношении индивидуально-определенного круга лиц и посягающие непосредственно на человека, его права и законные интересы, в частности несовершеннолетнего лица (раздел VII УК).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический обзор к Международному дню защиты детей [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-deti--2023.pdf. – Дата доступа: 17.09.2023.
2. Семькина, О. И. «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств — участников СНГ) / О. И. Семькина, Р. Н. Ключко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2020. – № 6. – С. 34–52.
3. Ключко, Р. Н. Информационно-психологическая безопасность как межродовой объект уголовно-правовой охраны / Р. Н. Ключко // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021 – Т. 17. – № 6 – С. 48–64.
4. Ключко, Р. Н. Уголовная политика в сфере обеспечения информационной безопасности: содержание и приоритеты / Р. Н. Ключко // Судовы веснік. – 2020. – № 3. – С. 66–71.
5. Гулякевич, Д. Л. Уголовно-правовая охрана ребенка в Республике Беларусь : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Л. Гулякевич. – М., 2015. – 267 с.
6. Русецкий, О. В. О результатах исследования вопросов криминогенного влияния информационного пространства сети Интернет на несовершеннолетних в современных условиях белорусского общества [Электронный ресурс] : аналитическая записка / О. В. Русецкий // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Топорикова, О. О. Проблемы квалификации сексуальных домогательств детей в сети Интернет [Электронный ресурс] / О. О. Топорикова // Право.by. – 2016. – № 2. – С. 69–75. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25984020>. – Дата доступа: 28.05.2022.
8. Рыбакова, О. С. Безопасность несовершеннолетних в информационном обществе: анализ киберрисков и угроз / О. С. Рыбакова // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 2 (35). – С. 65–73.
9. Буданов, С. А. Правовое обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 05.13.19 / С. А. Буданов ; Воронеж. ин-т МВД России. – Воронеж, 2006. – 24 с.
10. Борщов, Н. А. Информационное насилие в современном обществе / Н. А. Борщов // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2010. – № 1 (45). – С. 282–290.
11. Ефремова, М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / М. А. Ефремова. – М., 2017. – 427 с.

Поступила в редакцию 16.11.2023 г.

Контакты: klrn.grodno@tut.by (Ключко Римма Николаевна),
hutskokaterina@yandex.by (Гуцко Екатерина Григорьевна)

Klyuchko R. N., Hutsko E. G. CLASSIFICATION OF CRIMES AGAINST THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINORS COMMITTED USING THE INTERNET

The article defines the elements of crimes that, in accordance with the current Criminal Code of the Republic of Belarus, relate to crimes against the rights and legitimate interests of minors and are committed using the Internet; their classification is proposed on various grounds. The concept of crimes committed using the Internet is defined. It is noted that this group of socially dangerous acts inherently includes crimes against information security and differs in a specific way and (or) means of committing a crime against a certain category of persons.

Keywords: Internet crimes, minors, global computer network Internet, information security, classification of crimes.

УДК 342.7

ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕОРЕТИКО–ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Т. Н. Кузьменкова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

аспирант

Белорусский государственный университет

В статье обосновывается необходимость теоретической разработки категории «кибербезопасность личности» и развития нормативно-правового регулирования в соответствующем контексте. Исследуется место кибербезопасности личности в общей системе обеспечения информационной безопасности, а также выделяются основные элементы данного понятия. Отдельное внимание уделено теме правового сопровождения кибербезопасности личности, изложены предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: информационная безопасность, кибербезопасность, киберпространство, кибератака, онлайн-груминг, Интернет, искусственный интеллект.

Введение

Повышение роли средств массовой информации и массовых коммуникаций, особенно информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в жизни современного социума привело к усилению значимости сферы информационной безопасности и принятию соответствующих нормативных правовых актов. В качестве одной из составляющих информационной безопасности выделяют кибербезопасность – «состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз» (п. 3 Приложения 2 Указа Президента Республики Беларусь 14.02.2023 г. № 40) [1].

Следует сказать, что законодатель делает акцент на информационной безопасности, кибербезопасности именно государства и общества. В юридической науке поднимается вопрос о необходимости обособления и более тщательной теоретико-правовой проработке информационной безопасности личности, в качестве элемента которой, по мнению автора, стоит выделить и кибербезопасность. Анализ законодательства позволяет сделать вывод о значимости кибербезопасности в структуре правового статуса личности и нормативно-правовом регулировании отдельных аспектов. Тем не менее, отсутствие теоретической разработки и специального правового сопровождения ряда вопросов, приводит к пробелам в праве и потенциальной допустимости противоправных деяний, а также негативного информационного воздействия в обход существующего законодательства.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена значимостью сферы информационной безопасности в целом и кибербезопасности, в частности, как в системе обеспечения национальной безопасности, так и для отдельной личности. Цель исследования: раскрыть отдельные теоретико-правовые аспекты кибербезопасности личности, наметить вектор совершенствования законодательства в соответствующей сфере.

Основная часть

Сложно не согласиться с мнением, что последние десятилетия стали революционными в развитии информационного пространства. Информация, являясь основным ресурсом и опорой общественного прогресса, выступила еще и «...эффективным инструментом для преобразования окружающей социальной действительности» [2, с. 5]. «Производитель не просто делает информацию доступной для каждого члена информационного общества, но активно использует все возможные каналы информационной коммуникации, воздействуя на личность. Каналы информационной коммуникации совершенствуются, расширяя выбор средств и технологий воздействия» [3, с. 54]. При этом механизмы деструктивного информационного воздействия на личность, общество и государство также постоянно совершенствуются. Например, «новая реальность породила феномены фейкинга и фейковизации информационного пространства как элемента новой гибридной войны со всеми ее отличительными особенностями... К таковым можно отнести новые виды информационных продуктов, которые создаются с активным использованием компьютерных технологий, в том числе искусственного интеллекта (нейросетей)» [2, с. 13–14].

Именно поэтому особое внимание на сегодняшний день уделяется сфере информационной безопасности. В качестве одной из составляющих информационной безопасности выделяют кибербезопасность, которая в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» определяется как состояние защищенности информационной инфраструктуры и содержащейся в ней информации от внешних и внутренних угроз [1]. Отражение отдельных вопросов по защите технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации от кибератак в законодательстве предопределяет вектор дальнейшего нормативно-правового регулирования исследуемой области. Вместе с тем имеется ряд проблемных или неразрешенных моментов, которые требуют теоретической разработки и последующего правового сопровождения в рамках заданного вектора. Одним из таких моментов является сфера кибербезопасности личности.

По мнению автора, теоретико-правовая разработка кибербезопасности личности в первую очередь должна быть связана с определением ее места в системе информационной безопасности в целом. Здесь следует учитывать, что категория информационная безопасность является безусловным атрибутом интересов государства, однако данный феномен можно рассматривать и с позиции интересов отдельной личности. Вопрос о необходимости обособления и более тщательной правовой проработке информационной безопасности личности поднимался в трудах А. С. Жарова, Н. А. Збруевой, Т. Д. Логиновой, Е. Ю. Митрохиной, А. А. Тамодлиной, А. В. Туликова. Например, Т. Д. Логинова предлагает выделить право личности на информационную безопасность, которое «представляет собой законодательно закрепленную возможность каждому свободно пользоваться доступной информацией с использованием информационно-коммуникационных технологий, а также комплекс мер государственно-правового характера, направленный на обеспечение защиты личности от негативной информации, способной причинить ей вред» [4].

На наш взгляд, информационная безопасность личности выступает одним из компонентов информационной безопасности государства. В структуре конституционно-правового статуса личности она может быть выражена посредством права личности на безопасность в информационной сфере, которое является «комплексным понятием, включающим: право на защиту персональных данных и иной личной информации, право на защиту от деструктивного информационного воздействия, право на кибербезопасность» [5, с. 100]. Тем самым кибербезопасность личности является более узким по смыслу понятием и охватывается понятием информационная безопасность личности.

Следующим этапом теоретико-правового развития категории «кибербезопасность личности» должно стать ее содержательное наполнение, выделение составных элементов.

Когда речь идет о кибербезопасности (в науке вместо термина кибербезопасность можно встретить понятия безопасность в киберпространстве, цифровая безопасность), как правило, ее связывают с защитой информационной инфраструктуры, то есть «совокупности технических средств, систем и технологий создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации от кибератак» (п. 5 Приложения 2 Указа Президента Республики Беларусь 14.02.2023 г. № 40) [1]. Под кибератакой, в свою очередь понимается «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты информационной инфраструктуры, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации» (п. 2 Приложения 2 Указа Президента Республики Беларусь 14.02.2023 г. № 40) [1].

Безусловно, заметен акцент на технической стороне рассматриваемого вопроса. Большая часть положений зарубежного законодательства также обращена к технической составляющей при определении понятий «информационная безопасность», «кибербезопасность», «киберпространство». Вместе с тем, как справедливо отмечает Т. А. Бражник, «интересы личности, связанные с обеспечением безопасности в киберпространстве, значительно шире, чем технические принципы работы оборудования и обработки данных. Особенно это касается несовершеннолетних, их здоровья и морального развития» [6].

Содержательное наполнение кибербезопасности личности является сложным и многокомпонентным и связано с защитой личности от различных видов негативных проявлений в виртуальной сфере, например, манипулятивного и (или) деструктивного информационного воздействия, кибербуллинга, онлайн груминга, нежелательной рекламы, интернет-мошенничества, компьютерных вирусов, взлома аккаунта и иных кибератак.

С учетом выделения нами кибербезопасности личности в качестве одного из элементов информационной безопасности личности, наряду с защитой личности от деструктивного информационного воздействия, защитой персональных данных и иной личной информации, полагаем, что содержательное наполнение исследуемой категории прежде всего должно описывать техническую сторону безопасности в киберпространстве, а прочие угрозы в цифровой сфере могут охватываться иными элементами. Однако установить четкие границы в содержательном наполнении рассматриваемых категорий сложно. Например, использование манипулятивных технологий в Интернете, сочетает в себе как технические, так и смысловые аспекты информационного воздействия на личность. Поэтому в настоящем исследовании будем рассматривать как элементы кибербезопасности черты, присущие только для данного понятия, так и комплексные, сочетающие вопросы нескольких аспектов информационной безопасности личности.

Предлагаем выделить следующие составляющие кибербезопасности личности:

- состояние защищенности от кибератак, непосредственно воздействующих на технические средства, системы и технологии создания, преобразования, передачи, использования и хранения информации (например, использование вредоносных программ, организация ботнетов, несанкционированный доступ к компьютерной информации);
- состояние защищенности личности от иных негативных деяний, при которых Интернет выступает в качестве способа или средства их совершения (например, интернет-мошенничество, кибербуллинг, онлайн груминг);

- состояние защищенности личности от манипулятивного, деструктивного информационного воздействия в киберпространстве, которое, прежде всего, связано с предупреждением негативного мировоззренческого и информационно-психологического влияния.

Ключевым этапом разработки кибербезопасности личности с учетом указанных выше элементов должна стать работа по совершенствованию ее нормативного правового сопровождения. **Во-первых**, по мнению автора, свое место в законодательстве должно найти право человека на кибербезопасность, в том числе допустимо рассмотреть возможность его закрепления в Законе Республики Беларусь «Об информации информатизации и защите информации» и в перспективе – Информационном кодексе. С учетом всей значимости рассматриваемого права для несовершеннолетних, целесообразно включение соответствующих формулировок в Закон Республики Беларусь «О правах ребенка», а также разработка самостоятельного документа: «Концепции кибербезопасности несовершеннолетних», содержащего базовые положения взаимодействия детей с киберпространством. Здесь можно ориентироваться на опыт Российской Федерации. Так, 28 апреля 2023 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1105-р была принята обновленная Концепция информационной безопасности детей, главная цель которой – защита несовершеннолетних от угроз и рисков в цифровой среде [7].

Во-вторых, совершенствование законодательства в сфере обеспечения кибербезопасности личности целесообразно вести и в направлении закрепления составов преступлений, отражающих специфику совершения отдельных деяний с использованием киберпространства. Ряд противоправных деяний, связанных со сферой функционирования киберпространства, уже криминализован в белорусском законодательстве: Статья 198¹. «Нарушение законодательства о средствах массовой информации», ст. 212 «Хищение имущества путем модификации компьютерной информации» и в целом глава 31 «Преступления против компьютерной безопасности» Уголовного кодекса Республики Беларусь [8]. Вместе с тем развитие общественных отношений, цифровизация многих сфер, требует пристального внимания к анализу и последующему отражению в праве мер по защите от новых негативных явлений. Речь идет, например, о таких деяниях, как различные формы интернет-мошенничества, кибербуллинг, онлайн-груминг.

Так, особого внимания заслуживает также тема сексуальной эксплуатации детей в форме онлайн-груминга (сексуальное домогательство в социальных сетях). «В иностранной научной литературе это явление изучается уже длительное время и получило относительно подробное описание. Домогательство в варианте онлайн груминга, включается в качестве частного случая в более широкую категорию «онлайн сексуальная эксплуатация ребенка», к которой также относятся «секстинг», или создание и распространение сексуальных обнаженных или полуобнаженных изображений посредством мобильных телефонов и/или Интернета, и сексуальное вымогательство (“sexual extortion”, или “sextortion”) у детей таких сексуальных изображений, в том числе с помощью угроз или шантажа» [9]. Согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь подобные деяния могут подпадать под действия статей 169 «Развратные действия», 170 «Понуждение к действиям сексуального характера» [8], однако эти составы преступлений не охватывают всю специфику онлайн-груминга.

По мнению Е. Г. Дозорцевой, А. С. Медведевой, сексуальный онлайн груминг должен стать «объектом пристального внимания не только правоохранительных органов, но и исследователей – юристов, психологов, лингвистов. Необходим правовой анализ данного состава преступления и определение того, насколько полно он отражен в существующем законодательстве» [9]. В контексте сказанного заслуживает внимания

предложение, высказанное в российской юридической науке, о «включении в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 135.1, предусматривающей ответственность за любое умышленное предложение о встрече, с которым лицо, достигшее 18-летнего возраста, при помощи сети Интернет или иных информационно-коммуникационных технологий обращается к несовершеннолетнему с целью совершения против него полового преступления» [9].

В-третьих, свое дальнейшее развитие в законодательстве должны найти меры по защите личности в киберпространстве от манипулятивного, в том числе деструктивного, воздействия на мировоззренческую, нравственно-ценностную и идеологическую сферу, а также правовое регулирование использования искусственного интеллекта (нейросетей) в соответствующем контексте. Данное направление совершенствования национального права напрямую вытекает из положений Основного Закона Республики Беларусь. Так, возможность ограничения конституционных прав и свобод, в том числе свободы слова и права на информацию, в интересах национальной безопасности (одним из компонентов которой выступает информационная безопасность), общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц, предусмотрена статьей 23 Конституции [10].

При всех плюсах научно-технического прогресса, стоит учитывать, что «современный Интернет – это не только неограниченная база знаний, объединяющая и заключающая все человечество в единое информационное поле, но и мощнейшее орудие пропаганды, средство для транслирования и распространения любых идеологий, продвижения интересов любых групп (в том числе преступных)... Многогранные в своих проявлениях фейки (информационные манипуляции) – это глобальный и реальный вызов социуму, государству и международному сообществу... Посредством фейковизации медиaproстранства насаждаются необходимые манипулятору мировоззренческие установки, формируется гиперреальность (гиперреальное как «реальное» без истока и без реальности), представляющее собой «царство симулякров» – псевдообразов явлений действительности» [2, с. 90–91]. Необходимо также отметить, что «алгоритмы социальных сетей и новостных агрегаторов (рекомендательные системы) предлагают интернет-пользователю контент той тематики и направленности, к которым уже ранее проявлялся интерес. Таким образом, пользователь может не видеть альтернативных точек зрения... Основным критерием истинности информации становится ее виральность (т. е. сам факт ее широкого распространения)» [2, с. 61].

По мнению автора, правовое сопровождение видов и способов распространяемой в киберпространстве информации во многом связано с технической стороной вопроса, а также необходимостью установления четких критериев по определению вредоносного характера информационного воздействия, что в условиях процесса глобализации является весьма проблематичным. Однако с учетом значимости сферы информационной безопасности как для государства и общества, так и для отдельной личности, совершенствование законодательства в направлении защиты от деструктивного и манипулятивного воздействия должно стать ключевым в современных реалиях.

Примечателен в рассматриваемом контексте опыт Ирана и Китая. В Китае киберпространство рассматривается как часть государственной территории, в связи с чем государство «настаивает на исключительном праве на регулирование Интернета на территории страны, активно использует цензуру для фильтрации контента, запрещенного законодательством...» [11]. Основным отличием Иранской модели кибербезопасности является «создание национальной информационной сети, которая по замыслу разработчиков должна заменить в киберпространстве государства всемирную информационную сеть, а также активное применение в этом контексте программ фильтрации и блокировки интернет-контентов» [12].

Совершенствование законодательства в Республике Беларусь, на наш взгляд, также должно идти по пути создания действенного организационно-правового механизма регулирования транслируемого контента в Интернете, равно как и предупреждения отрицательного влияния деструктивной информации на нравственное, психическое, физическое и социальное благополучие отдельного человека, социальных групп и населения в целом путем повышения цифровой грамотности граждан, дальнейшего развития культуры безопасного поведения в киберпространстве.

Выводы

Сферу информационной безопасности в целом и кибербезопасности в частности целесообразно развивать, преломляя сквозь призму интересов не только государства и общества, но и отдельной личности.

Кибербезопасность личности представляет собой актуальное направление совершенствования национального законодательства, в том числе в сфере прав и свобод человека, если вести речь о праве личности на кибербезопасность.

Понятие «кибербезопасность личности» является более узким по смыслу и охватывается понятием «информационная безопасность личности».

При развитии отраслевого законодательства, прежде всего уголовного, следует учитывать угрозы информационно-коммуникационного мира. Особенная часть Уголовного кодекса Республики Беларусь может быть дополнена составами преступлений, отражающими специфику совершения отдельных деяний с использованием киберпространства.

Ключевым направлением обеспечения информационной безопасности личности должно стать создание действенного организационно-правового механизма регулирования видов и способов распространяемой информации в Интернете, а также принятие мер по развитию культуры безопасного поведения в киберпространстве (в первую очередь в отношении несовершеннолетних) в связи с чем предлагается разработка базового документа в соответствующей сфере – «Концепции кибербезопасности несовершеннолетних».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О кибербезопасности [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 14 февраля 2023 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие. – Москва : Блок-Принт, 2023. – 144 с.
3. *Чеботарева, А. А.* Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13 / А. А. Чеботарева. – М, 2018. – 473 с.
4. *Логинова, Т. Д.* Обеспечение права личности на информационную безопасность (теоретико-правовой аспект) [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Т. Д. Логинова. – Омск, 2019. – Режим доступа: <https://files.omsu.ru/about/structure/science/ont/dissovet/dm-212-179.pdf>. – Дата доступа: 03.08.2023.
5. *Кузьменкова, Т. Н.* Право на безопасность в информационной сфере в системе прав и свобод человека / Т. Н. Кузьменкова // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Сер. Д, Эканоміка, сацыялогія, права. – 2022. – № 2 (60). – С. 97–103.
6. *Бражник, Т. А.* Отдельные аспекты правового регулирования информационной безопасности личности [Электронный ресурс] / Т. А. Бражник // Вестник ВГУ. Сер. Право. – 2019. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otdelnye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-informatsionnoy-bezopasnosti-lichnosti/viewer>. – Дата доступа: 01.08.2023.
7. Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/05/10/974297-pravitelstvo-utverdilo-kontseptsiyu-informatsionnoi-bezopasnosti-detei> – Дата доступа: 09.08.2023.
8. Уголовный Кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ.

Беларусь от 09.03.2023 г. № 256-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. **Дозорцева, Е. Г.** Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] / Е. Г. Дозорцева, А. С. Медведева // Психология и право. – 2019. – Т. 9, № 2. – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2019_n2/107176. – Дата доступа: 01.08.2023.

10. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г., 27 февр. 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

11. **Горян, Э. В.** Нормативно-правовая основа обеспечения национальной безопасности в киберпространстве: опыт Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] / Э. В. Горян // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2021. – № 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/normativno-pravovaya-osnova-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-kiberprostranstve-opyt-kitayskoy-narodnoy-respubliki/viewer>. – Дата доступа: 01.08.2023.

12. **Ковалев, О. Г.** Кибербезопасность в условиях национального Интернета (Иранский опыт противодействия киберугрозам) [Электронный ресурс] / О. Г. Ковалев, А. А. Скипидаров // Столыпинский вестник. – 2021. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbezopasnost-v-usloviyah-natsionalnogo-interneta-iranskiy-opyt-protivodeystviya-kiberugrozam/viewer>. – Дата доступа: 01.08.2023.

Поступила в редакцию 8.11.2023 г.

Контакты: kuzmenkova@msu.by (Кузьменкова Татьяна Николаевна)

Kuzmenkova T. N. SOME THEORETICAL AND JURIDICAL ASPECTS OF PERSONAL CYBERSECURITY

The article proves the necessity of theoretical development of the category “personal cybersecurity” and the development of legal regulation in the relevant context. The place of personal cybersecurity in the general information security system is investigated, and the main elements of this concept are highlighted. Special attention is paid to the topic of legal support of personal cybersecurity, and suggestions for the national legislation improvement are outlined.

Keywords: information security, cybersecurity, cyberspace, cyberattack, online grooming, Internet, artificial intelligence.

УДК 343.24

ЛИШЕНИЕ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

А. А. Ларченко

аспирант

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

В статье проведен теоретико-правовой анализ лишения права управления транспортным средством как разновидности наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, а также выделены проблемные аспекты его назначения. Автором проведен ретроспективный и сравнительно-правовой анализ подходов отечественного и зарубежных законодателей к этому наказанию. По результатам исследования автором предложено предусмотреть в белорусской системе наказаний самостоятельное наказание в виде запрета управления транспортным средством и описана его возможная правовая конструкция.

Ключевые слова: уголовная ответственность, наказание, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение права управления транспортным средством.

Введение

Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью выступает комплексным наказанием, объединяющим в своем содержании сразу ряд запретов и обладающим в связи с этим широким карательным потенциалом. Однако в практике белорусских судов это наказание встречается относительно редко (всего 287 случаев назначения за 2022 г.), опережая по частоте лишь такие наказания, как смертная казнь, пожизненное лишение свободы и ограничения по воинской службе [1].

При этом лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью предусмотрено во множестве статей Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а именно в 128 статьях, что составляет 30% от числа всех статей Особенной части УК. Это наказание может назначаться и в случаях, когда не предусмотрено санкцией статьи, когда характер совершенного виновным деяния, связанного с занимаемой должностью или с занятием определенной деятельностью, указывает суду на невозможность сохранения за ним права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью (ч. 2 ст. 51 УК) [2].

Значительные сложности в назначении наказания возникают в ходе применения лишения права занятия деятельностью в виде управления транспортным средством, что указывает на необходимость совершенствования законодательных конструкций, предусматривающих уголовно-правовые запреты. Целью настоящего исследования являются выявления проблемных аспектов и путей совершенствования норм уголовного закона, определяющих систему наказаний Республики Беларусь, и внесения предложений по их преодолению.

Основная часть

Как отмечает А. И. Лукашов, в уголовном законе лишение права управления транспортным средством относится к лишению права заниматься определенной деятельно-

стью и не выделено в самостоятельное наказание [3, с. 111]. Ю. Л. Шевцов раскрывает содержание лишения права заниматься определенной деятельностью как запрет осуществлять ее в течение установленного приговором срока [4, с. 186].

В. М. Хомич указывает, что это наказание назначается виновному, если во время совершения преступления лицо занимало соответствующую должность либо занималось определенной деятельностью, требующей специального разрешения, знаний или навыков [5, с. 125].

Сущность лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, по мнению П. Буйлончика, включает в себя запрет заниматься управлением транспортным средством в качестве деятельности, осуществляемой на основании заключения трудового договора, либо и на иных законных основаниях (например, на основании договора подряда) [6].

Для лишения права занятия определенной деятельностью, в том числе управления транспортным средством, органы, которые выдают разрешение или контролируют порядок осуществления соответствующей деятельности обязаны не позднее трех дней после получения копии приговора суда и извещения уголовно-исполнительной инспекции аннулировать разрешение на занятие запрещенной для осужденного деятельностью и изъять соответствующий разрешительный документ, предоставляющий данному лицу право заниматься указанной деятельностью, и направить сообщение об этом в орган или учреждение, исполняющие наказание и иные меры уголовной ответственности [4, с. 187].

Как отмечает Ю. Л. Шевцов, лишение права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, распространяется на все виды транспортных средств [6].

Однако проблемные вопросы в назначении этого наказания возникают в случаях, когда лишение права управления транспортными средствами назначается виновному, который на день вынесения приговора не осуществлял этого вида деятельности. Как отмечается в научной литературе, не является препятствием к назначению этого наказания то, что к моменту постановления приговора виновный уже не занимает ту должность или не занимается той деятельностью, с которыми было связано совершение преступления [5, с. 125].

При этом Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь от 1 октября 2008 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317, 317-1, 318, 32-1 Уголовного кодекса Республики Беларусь)» отмечено, что лишение права заниматься таким видом деятельности, как управление транспортными средствами, не исключается и в отношении лиц, которые на момент совершения дорожно-транспортного происшествия осуществляли управление механическим транспортным средством при отсутствии водительского удостоверения, выдаваемого в установленном порядке [7].

В этом случае обязанность по выполнению приговора суда в части запрета на управления транспортным средством возлагается на осужденного. Он обязан бездействовать, не осуществлять этот вид деятельности, а государственные органы не имеют права предоставлять ему право на занятие таким видом деятельности.

С. А. Боровиковым отмечается уровень нарушения осужденными рассматриваемого наказания [8]. Однако в связи с этим возникает вопрос: как можно лишить права управления транспортным средством лицо, которое этого права уже лишено или не имеет его в связи с тем, что не получало вообще право управления транспортным средством в установленном порядке? Так, ст. 317-2 УК предусматривается наказание в отношении виновного, осуществляющего управление транспортным средством, которое не имеет права управления этим средством [2]. При этом в санкции этой статьи предус-

матривается, в том числе возможность в качестве дополнительного наказания применить к виновному лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, т. е. фактически лишить права управления транспортным средством лицо, которое уже лишено права управления транспортным средством.

Возможность лишения права заниматься определенным видом деятельности, например, управления транспортным средством осужденного, который лишен или не имел соответствующего права, указывает на фактическое несоответствие сути этого наказания и его законодательного определения.

По нашему мнению, правильно вести речь не о «лишении права управления транспортным средством», а о «запрете управления транспортными средствами». При этом это наказания подлежат выделению в самостоятельную правовую норму, со своими сроками, особенностями наложения и т. д.

Л. Ю. Ларина указывает, что в судебной практике это наказание фигурирует в приговорах в виде «лишения права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами», либо «лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами». И вторая формулировка гораздо шире по смыслу, т. к. она охватывает как непосредственное управление транспортным средством, так и иную деятельность (регулирование и организацию движения транспортных средств, деятельность штурманов и т. д.) [9]. Это также указывает на необходимость выделения такого наказания, как «запрет управления транспортным средством», в самостоятельную единицу в системе наказаний, в целях снижения случаев расширительного толкования уголовного закона и обеспечения единообразия практики его правоприменения.

Проследить тенденцию к выделению этого наказания в самостоятельную единицу в системе наказаний можно проследить в настоящем уголовном законе. Так, за совершение преступлений, предусмотренных частями 4 и 5 статьи 317 и статьей 317-1, предусматривается более высокая максимальная граница наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – на срок от одного года до восьми лет [2].

Стоит отметить, что подобное изменение не является новеллой для белорусского законодательства. В санкциях статей Уголовного кодекса Белорусской ССР, принятого 29 декабря 1960 г. (далее – УК БССР), предусматривались наряду с общим наказанием в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и отдельные подвиды (ст.ст. 126-1, 156, 206–206³ УК БССР и т. д.). Так, за совершение преступления по ч. 1 ст. 206 УК БССР виновному назначалось основное наказание с «лишением права управлять транспортными средствами на срок до двух лет или без лишения». Срок наказания возрастал за совершения преступления по ч. 2 и ч. 3 ст. 206 УК БССР вплоть до пяти лет [10].

Самостоятельное наказания в виде запрета управления транспортными средствами не является новшеством для уголовных законов стран постсоветского пространства так и иных зарубежных стран. Например, законодатели Азербайджана и Молдовы выделили лишение права управления транспортными средствами в самостоятельную категорию в системе наказаний (ст. 42.0.2 УК Азербайджана; п. b-1 ч. 1 ст. 62 УК Молдовы). Обращает на себя внимание, что в обоих этих случаях лишение права управлять транспортным средством может выступать только дополнительным наказанием на срок от одного до пяти лет (ст.ст. 43.2, 45.1 УК Азербайджана; п. 4 ст. 62 и п. 2 ст. 65-1 Молдовы) [11; 12].

Наложение запрета на управление транспортным средством определенного вида предусмотрено в качестве наказания по уголовному закону Польши за преступление против безопасности движения (§ 1 ст. 42 УК Польши) [13]. Эстонский законодатель предусмотрел широкий перечень правоограничений, в том числе лишение права управ-

ления транспортными средствами (ст. 50) [14]. Равно как и испанский законодатель предусмотрел целый круг возможных к лишению прав, в который включил лишение права на управление транспортным средством (ст. 39 УК Испании) [15].

В рамках уголовного закона ФРГ зафиксировано сразу несколько способов ограничения виновного права управлять транспортным средством за совершенное преступление. Запрет управлять транспортным средством может выступать как дополнительным наказанием (§ 44), так и применяться в виде меры исправления и безопасности, когда виновный лишается водительских прав либо права заниматься определенной профессиональной деятельностью (§ 69, 70) [16, с. 97, 99, 120–121].

Заключение

По результатам настоящего исследования предлагается дополнить систему наказаний самостоятельным наказанием в виде запрета управления транспортным средством. Это позволит решить ряд проблемных вопросов, связанных с применением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в отношении виновного, не имеющего или уже лишенного права управления транспортным средством. Кроме того, введения самостоятельного наказания в виде запрета управления транспортным средством позволит установить для этого наказания самостоятельные правила назначения, не утяжеляя конструкцию ст. 51 УК. В связи с этим предлагаем дополнить УК соответствующей нормой, содержание которой представлено соответствующим образом переформулированными положениями ст. 51 УК и оригинальными формулировками автора:

«Статья 51-1. Запрет управления транспортным средством

1. Запрет управления транспортным средством может быть назначен судом в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на срок от одного года до восьми лет. В случаях, предусмотренных частью 4 и 5 статьи 317 и ч. 2 статьей 317¹ настоящего Кодекса, может быть назначен пожизненный запрет управления транспортным средством.

2. Запрет управления транспортным средством заключается в запрещении осужденному в течение срока, назначенного по приговору суда осуществлять управление транспортным средством, пользоваться правом управления транспортным средством, получить разрешение на управление транспортным средством.

3. Запрет управления транспортным средством в качестве дополнительного наказания может назначаться судом и в случае, когда этот вид наказания не предусмотрен в статье Особенной части настоящего Кодекса, если, исходя из характера совершенного лицом преступления, связанного с управлением транспортным средством, суд признает невозможным сохранение за ним права управления транспортным средством.

4. При назначении наказания в виде запрета управления транспортным средством в качестве дополнительного к аресту, ограничению свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа или лишению свободы оно распространяется на все время отбывания осужденным основного наказания и сверх того – на срок, установленный приговором.

5. В случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде запрета управления транспортным средством суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить запрет управления транспортным средством ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за один день лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но на срок не свыше пяти лет. При этом время уклонения от отбывания наказания в виде запрета управления транспортным средством не засчитывается в срок отбывания наказания.

Примечание. Под транспортным средством понимаются механическое транспортное средство, предназначенное для движения по дороге и для перевозки пассажиров, грузов или установленного на нем оборудования, а также шасси транспортного средства и самоходная машина».

Изменения в системе наказаний уголовного закона повлечет необходимость соответствующих изменений в иных статьях Общей и Особенной части УК.

По нашему мнению, реализация предлагаемых изменений позволит усовершенствовать существующие подходы к применению наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, разрешить ряд сложностей с назначением этого наказания за транспортные преступления, а введения пожизненного запрета управления транспортным средством – повысить уровень ответственности водителей за соблюдения правил дорожного движения в Республике Беларусь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2022 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82a6c416a342a7.html. – Дата доступа: 11.01.2022.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275–3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. **Лукашов, А. И.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального права в белорусской системе наказаний / А. И. Лукашов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск : БГУФК, 2010. – С. 111–131.
4. **Шевцов, Ю. Л.** Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью / Ю. Л. Шевцов // Белорус. юрид. энцикл.: в 4 т. – Минск, 2009. – Т. 2. – С. 186–187.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр. правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
6. **Булойчик, П.** Работник лишен права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами [Электронный ресурс] / П. Булойчик // Электронный журнал «Юрисконсульт организации». – Режим доступа: https://jurk.by/izdaniya/ya-spok/rabotnik-lishen-prava-zanimatsya-deyatel_0000000. – Дата доступа: 11.05.2023.
7. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст.ст. 317, 317-1, 318, 321 Уголовного кодекса Республики Беларусь) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь, 1 окт. 2008 г., № 7 : с изм. и доп. : в ред. постановления Пленума Верховн. Суда Респ. Беларусь от 31 марта 2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. **Боровиков, С. А.** Проблемы и практика исполнения уголовного наказания в виде лишения права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами [Электронный ресурс] / С. А. Боровиков, Ю. А. Чжан // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-praktika-ispolneniya-ugolovnogo-nakazaniya-v-vide-lisheniya-prava-zanimatsya-deyatelnostyu-svyazannoy-s-upravleniem>. – Дата доступа: 11.06.2023.
9. **Ларина, Л. Ю.** Лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортным средством за совершение преступления как средство обеспечения транспортной безопасности [Электронный ресурс] / Л. Ю. Ларина // Электронная библиотека «КиберЛенинка». – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/lishenie-prava-zanimatsya-deyatelnostyu-po-upravleniyu-transportnym-sredstvom-za-sovershenie-prestupleniya-kak-sredstvo>. – Дата доступа: 11.06.2023.
10. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : принят четвертой сес. Верховного Совета БССР пятого созыва, 29 декабря 1960 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 30 декабря 1999 г., №787-ІQ : в ред. Закона Азербайджанской Респ. от 23.04.2021 г. № 301-VQID // ИС Континент. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353. – Дата доступа: 18.05.2023.

12. Уголовный кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 18 апреля 2020 г., № 985-XV : в ред. Закона Респ. Молдова от 23.04.2021 г. № 78 // ИС Континент. – Режим доступа: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923#pos=310;-142. – Дата доступа: 20.01.2023.

13. Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс] : принят Сеймом 01 янв. 1997 г. // ISAP. – Режим доступа: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970880553/U/D19970553Lj.pdf>. – Дата доступа: 07.01.2023.

14. Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики [Электронный ресурс] : принят 6 июня 2001 г., в ред. Закона Эстонской Респ. от 20.02.2019 г. // Сайт Министерства юстиции Эстонской Республики. – Режим доступа: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ%20КОДЕКС%2004.03.2021.pdf>. – Дата доступа: 07.01.2023.

15. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, Ф. М. Решетникова ; пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1998. – 213 с.

16. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / под науч. ред. Д. А. Шестаковой ; пер. с нем. Н. С. Рачковой. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. – 524 с.

Поступила в редакцию 20.06.2023 г.

Контакты: larchenko126@mail.ru (Ларченко Александр Анатольевич)

Larchenko A. A. DEPRIVATION OF THE RIGHT TO DRIVE VEHICLES IN THE PUNISHMENT SYSTEM

The article provides a theoretical and legal analysis of the deprivation of the right to drive a vehicle as a type of punishment in the form of the deprivation of the right to hold certain positions and to engage in certain activities, and highlights the problematic aspects of its implementation. A retrospective and comparative legal analysis of the approaches of domestic and foreign legislators to this punishment has been carried out. As a result, the author proposes to provide for an independent punishment in the form of a ban on driving a vehicle in the Belarusian penal system and describes its possible legal structure.

Keywords: criminal liability, punishment, deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, deprivation of the right to drive a vehicle.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанавы

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *С. А. Кірыльчык*
Карэктар *І. Г. Каржова*

Падпісана да друку 09.04.2024 г.
Фармат 70x108¹/16. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 7,5. Ул.-выд. арк. 8,5. Тыраж 40 экз. Заказ № 2655.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў